

СМЕРШ

спецназ Сталина

ЧУЖОЙ СВОИМ НЕ СТАНЕТ

Евгений Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Чужой своим не станет

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Чужой своим не станет / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2019 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-101409-4

1944 год. Красная армия готовит контрнаступление на белорусском направлении. Немцы в замешательстве: они не могут точно определить направление главного удара русских. Чтобы добыть нужные сведения, в советский тыл заброшена лучшая диверсионная группа. Но не дремлет СМЕРШ. Перехватить лазутчиков поручено контрразведчикам капитана Тимофея Романцева. Оперативники понимают, что им придется иметь дело с настоящей элитой Абвера, и потому готовят операцию, аналогов которой до сих пор еще не было...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101409-4

© Сухов Е. Е., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Сухов

Чужой своим не станет

Глава 1

Ставка «Вольфшанце»

Реконструкция «Вольфшанце»¹ близ Растенбурга проводилась в авральном режиме, и в конце июня ставка почти полностью была подготовлена к приезду рейхсканцлера. Однако Гитлер продолжал медлить; главная причина отказа – слишком сырой климат, который никак не способствовал укреплению здоровья. В действительности Адольф Гитлер был не из тех людей, что любят менять устоявшийся образ жизни; ему претило расставаться с обжитым «Бергхофом», напоминавшим ему природу родной Верхней Австрии. Но положение на Восточном фронте становилось все более угрожающим и требовало незамедлительного нахождения фюрера вблизи театра военных действий.

Начальник управления Сухопутных войск генерал-лейтенант Рудольф Шмундт вместе с представителем оперативного штаба генерал-лейтенантом Адольфом Хойзингером на совещании в «Бергхофе» попросили фюрера непосредственно руководить всеми операциями. Во время разговора они выложили ему на стол фотографии обновленной Ставки, честно признав, что его бункер еще недостаточно хорош, но подготовлен блиндаж для приема гостей, где рейхсканцлер может временно разместиться до окончания работ. Заложив руки за спину, Гитлер тяжелым шагом прошел по своему кабинету и, посмотрев в глаза генерал-лейтенанту Адольфу Хойзингеру, отдал приказ на переезд.

Непримиримой противницей переселения оставалась Ева Браун, имевшая на фюрера немалое влияние. Она всерьез опасалась, что с фюрером в Восточной Пруссии может произойти нечто серьезное. Основания были небеспочвенные: за последнее время Гитлер сильно сдал, ссутулился, сделался желчным, все более превращаясь из крепкого пятидесятилетнего мужчины в слабеющего старика.

На сборы ушло почти десять дней.

Восьмого июля вся Ставка покинула гостеприимный «Бергхоф» и перебралась на небольшой военный аэродром под Зальцбургом, откуда на следующий день на нескольких самолетах вылетела в Восточную Пруссию.

Месторасположение Ставки было хорошо продумано. Основным критерием являлась удаленность от крупных центров и советской границы. Размещалась Ставка в густом смешанном лесу, что в значительной степени скрывало построенные на ее территории здания.

К Ставке с усиленными мерами маскировки была проведена железная дорога. По периметру «Вольфшанце» окружали многочисленные озера и топкие болота, что значительно затруднило бы возможный прорыв Красной армии. По соседству располагались три аэродрома, с которых самолеты Люфтваффе готовы были защитить Ставку с воздуха и пресечь всякую попытку бомбардировки. Подступы к «Вольфшанце» были плотно заминированы на случай высадки вражеского десанта.

¹ *Волчье логово (нем.)* – главная ставка фюрера (нем. Führerhauptquartier – FHQ) и командный комплекс Верховного командования Вооруженных сил Германии в лесу Гёрлиц (Forst Görlitz) недалеко от города Растенбурга, Восточная Пруссия (ныне – город Кентшин в Варминско-Мазурском воеводстве Польши). Комплекс «Вольфшанце» использовался с 21 июня 1941-го по 20 ноября 1944-го. В общей сложности Гитлер пробыл в нем около 800 дней.

В безопасности фюрера мелочей не было: пресекалась и обезвреживалась всякая даже теоретическая попытка приблизиться к Ставке на расстояние десяти километров. Так что рейхсканцлер должен был чувствовать себя здесь вполне защищенным.

С момента последнего посещения Адольфом Гитлером «Вольфшанце» многое переменилось, Ставка превратилась в небольшую хорошо укрепленную крепость: за короткий срок было построено несколько сот зданий, укрытых бетонными плитами и землей, в результате чего они представляли собой пирамиды, возвышающиеся над лесом. Возведенные сооружения выглядели вполне естественно – они гармонично дополняли природный ландшафт: на вершинах и склонах бункеров были посажены кустарники; у подножия лежали огромные гранитные валуны. Рассматривая Ставку с высоты птичьего полета, трудно было предположить, что здесь, на глубине нескольких десятков метров, проживают несколько сот человек.

Фюрер прилетел под утро и прямо из аэропорта в сопровождении группы генералов и адъютантов направился в свою новую резиденцию. Провести экскурсию по только что отстроенной Ставке вызвался генерал-лейтенант Хойзингер.

– Мой фюрер, вы не будете чувствовать себя здесь стесненным. В Ставке имеется все, чтобы вы могли полноценно командовать войсками: отличная телефонная связь, фельдъегеря, самолеты, железная дорога, – убежденно принялся перечислять генерал, едва рейхсканцлер вышел из автомобиля. – Предусмотрены даже кинотеатр и сауна, чтобы вы могли хорошо отдохнуть.

Адольф Гитлер продолжал пребывать в скверном расположении духа. Так с ним случалось всегда, когда он приезжал на новое место. Фюрер вообще не любил переездов; будь его воля, он так и остался бы в «Бергхофе». Должно пройти несколько часов, прежде чем рейхсканцлер сделается прежним: окончательно уйдет раздражительность, уступив место деловой сосредоточенности.

Об этих особенностях характера рейхсканцлера генерал-лейтенант знал не понаслышке, а потому надеялся отвлечь его от скверных мыслей небольшой познавательной экскурсией по возведенным блиндажам. К строительству Ставки были привлечены лучшие архитекторы рейха, внесшие в проект новейшие инженерные разработки. Некоторые идеи просто поражали своей неординарностью и смелостью. Столь масштабное подземное строительство производило на всякого присутствующего здесь грандиозное впечатление.

– Мне для отдыха ничего не нужно, – невесело буркнул Гитлер. – Мне важно, чтобы хорошо отдохнули мои люди. Им выпало тяжелое бремя. Где они будут размещены? Им представится возможность для отдыха?

– Так точно, мой фюрер! Они будут размещены в очень удобных блиндажах. Для досуга личного состава тоже все предусмотрено, – охотно откликнулся генерал-лейтенант Хойзингер. – Для офицеров, прибывающих в Ставку на короткое время, предусмотрены хорошие гостиницы. Для любящих азарт имеется казино. Персонал может пообедать в чайных и столовых. Предусмотрена каждая мелочь, чтобы служащие Ставки могли полноценно восстановиться после службы.

– А что говорит о строительстве местное население? Для них не странно такое большое количество военных в здешней глуши?

– Мы предусмотрели и это, мой фюрер, – оживился генерал-лейтенант. – На дорогах установлены большие щиты с надписью: «Химический завод «Аскания». Желающих бродить в этой части леса значительно поубавилось, а с остальными мы проводим жесткую профилактическую работу. За щитами стоят наши посты, которые не пускают любопытствующих в глубину чащи.

– Разумно, – сдержанно согласился Гитлер.

Адъютанты стояли рядом и ждали распоряжения рейхсканцлера, но он молчал и цепко осматривался по сторонам, пытаясь выявить недостатки, но ничего не примечал. Пролетая

над местом расположения Ставки, личный пилот фюрера Ганс Баур указал на густые кроны, плотно разросшиеся на холмах, и уверенно объявил:

– Это и есть «Вольфшанце», мой фюрер.

Как ни всматривался Гитлер, пытаясь отыскать огрехи маскировки, но так ничего и не обнаружил. Военные инженеры потрудились на славу. Находясь от блиндажей на расстоянии вытянутой руки, он не сразу мог понять, что это искусственное сооружение.

– Сколько всего бункеров?

– Семь больших и несколько десятков малых. Каждый из больших бункеров до пятидесяти метров в длину. Толщина стен – до шести метров. – Заметив на лице Гитлера некоторое неудовольствие, генерал-лейтенант добавил: – Мой фюрер, но в вашем бункере толщина стен составляет двенадцать метров с высотой бетонного покрытия в двадцать метров! Разрушить его не представляется возможным даже при самой усиленной бомбардировке.

– Послушайте, Хойзингер, а это сооружение не станет нашей общей могилой? Что-то меня обуревают сомнения...

– Железобетонные бункеры непробиваемы! – терпеливо убеждал генерал-лейтенант. – Работают очистные сооружения воздуха и электростанции. Я даже не представляю, что должно случиться, чтобы системы, имеющие шестикратный уровень надежности, вдруг дали бы сбой.

– Думаю, что мне нет смысла осматривать весь город, – буркнул невесело рейхсканцлер, – я сюда приехал не туристом. Покажите мне место моей работы и наиболее важные объекты. Тут столько переходов, что я могу заблудиться. И потом, не хотелось бы попадать в неловкое положение, если вместо своей комнаты я вдруг неожиданно забреду в женскую спальню.

– Вы не заблудитесь, мой фюрер, – серьезно отвечал сопровождающий. – В каждом поперечном коридоре дежурят солдаты из вашей личной охраны.

– Тогда я спокоен, – сдерживая раздражение, отвечал Гитлер.

После ознакомления с особенностями реконструированной Ставки она уже не казалась фюреру чересчур мрачным местом – опоясанная молодыми дубками, «Вольфшанце» выглядело вполне живописно: у бункеров колюче выпирал кустарник, скрывая входы, а на всей территории густо произрастали березы вперемежку с липами. Вполне райский уголок для отдыха.

Адольф Гитлер посмотрел на небо.

На высоте десяти метров была натянута маскировочная сеть, искажавшая рельеф местности, удачно скрывавшая все, что находилось внизу. На сетчатую поверхность налили листья, замысловатым рисунком были наклеены лоскуты ткани. Далее шла затеняющая конструкция, больше похожая на бугор, от ее середины во все стороны разбегались странные вшивки, напоминающие узоры. Маскировка выглядела настолько плотной, что солнечные лучи, не попадая на землю, рассеивались на высоте нескольких метров от поверхности.

– Вы уверены, что сверху ничего не заметно? – с некоторым сомнением поинтересовался Гитлер.

– Абсолютно! Нам известно, какую работу проводят русские и их союзники для обнаружения «Волчьего логова». Однако они даже не приблизились к Ставке. Их авиация бомбит совершенно другие участки, которые наши инженеры выдают за Ставку. Над территорией «Вольфшанце» они пролетают едва ли не каждый день, но еще ни одна бомба не упала даже в радиусе пятидесяти километров. И уверяю вас, мой фюрер, не упадет никогда! Мы ежедневно проводим очень большую работу по маскировке территории. Периодически осуществляем контрольные облеты Ставки для более точного анализа, делаем аэросъемку, и если обнаруживаются хоть какие-то недостатки, мы их немедленно устраняем. Кроме того, сетка обладает таким качеством, как растяжение, в этом случае рельеф как бы проседает, а потому мы меняем маскировочную сетку не реже, чем четыре раза в год, – уверенно продолжал генерал-лейтенант. – Мы делаем все возможное, чтобы фюреру здесь хорошо работалось и отдыхалось.

– Считайте, что вы в этом преуспели, – отозвался Гитлер. – Покажите мне мой бункер.

– Прошу вас, мой фюрер, – сказал Хойзингер и уверенно повел Гитлера и его сопровождающих к огромному бугру на краю поляны. – Это и есть ваш бункер.

Заложив руки за спину, рейхсканцлер приблизился к объекту. На его стены была нанесена маскировочная темно-зеленая штукатурка и травяного цвета шероховатый бетон; виднелись комья вязкой листовенного цвета глины, пучки травы. Не без удивления Гитлер разглядел даже стружку, шершаво выпирающую из стен наружу. Внешне стены блиндажа напоминали мох, какой бывает только в густых смешанных лесах Восточной Пруссии. На крыше бункера произрастали три огромных куста боярышника и густая, по колено, темно-зеленая трава.

Уловив удивленный взгляд фюрера и расценив его по-своему, генерал-лейтенант продолжил:

– Внешние работы по укреплению вашего блиндажа уже завершены. Рабочие занимаются внутренней отделкой. Сейчас мы как раз подбираем подходящий дуб для вашего стола.

– Хорошо... Стол должен быть большой, чтобы на нем можно было разложить карты, с толстой столешницей и обязательно с широкими досками, – пожелал Гитлер.

– Сделаем, как вы прикажете, мой фюрер! У нас есть для этого подходящий материал.

– А теперь покажите, где вы разместите меня с моими людьми.

– Пока вы можете расположиться в блиндаже для гостей. Он также очень хорошо замаскирован, и у него такие же толстые стены. Повредить его не способна ни одна, даже самая усиленная, бомбардировка. Кроме того, внутреннее убранство выполнено в античном стиле.

– Мне не терпится это оценить.

– Прошу вас сюда, – с готовностью произнес генерал-лейтенант Хойзингер и уверенно повел рейхсканцлера к соседнему холму с двумя березами на кровле, под которыми скрывался блиндаж.

Они прошли через узкую дверь в ярко освещенный коридор. Далее шел поперечный коридор, в котором по обе стороны располагались жилые комнаты. Сам коридор соединялся с двумя изолированными помещениями, в которых за бронированными дверями несла дежурство личная охрана Гитлера.

Блиндаж представлял собой настоящий лабиринт из многочисленных комнат и коридоров, в которых несложно было и заблудиться, но Хойзингер, бывавший здесь не единожды, уверенно двигался вперед, распахивая двери и уводя Адольфа Гитлера с его приближенными в самую глубину блиндажа.

– По ту сторону коридора находятся спальни ваших секретарш, – сообщил генерал-лейтенант, указав на переход с четырьмя дверями. В первой комнате проживает фрау Юнге, во второй...

Договорить Хойзингер не успел – неожиданно дверь широко распахнулась, и в коридор шагнула фрау Кристиан, вышедшая два года назад замуж за полковника Экхарда Кристиана, служившего в штабе оперативного руководства.

– Господи! Мой фюрер! Глазам своим не верю! – восторженно произнесла женщина. – Когда же вы приехали? Дайте я вас обниму.

Гитлер милостиво раскинул руки и слегка прижал к себе женщину.

Присутствующие офицеры невольно заулыбались. Фрау Кристиан была весьма экзальтированной и жизнерадостной особой, фюрер ее просто обожал, потакая малейшим ее слабостям. Во всяком случае, он не отказал ей ни в одной просьбе. Окружение Гитлера всерьез полагало, что Экхард Кристиан стал генерал-майором и начальником штаба оперативного руководства Военно-воздушных сил не без помощи своей жизнелюбивой женушки.

Адъютанты умело прятали улыбки за напускной суровостью – сцена была презабавной. Рейхсканцлер прощал фрау Кристиан все, даже фамильярность. Она заметно поднимала Гитлеру настроение, о чем в Ставке все прекрасно знали.

– Я вас тоже очень рад видеть. А прибыл я сегодня...

– ...и сразу же решили проведать нас? – рассмеялась прелестная фрау Кристиан. – Как это мило, мой фюрер.

Личный адъютант Гитлера Отто Линге, стоявший рядом, уже не в силах дальше сдерживаться, широко улыбнулся.

– Кхм... Я о вас никогда не забывал. Сделаем вот что... Сейчас у меня много неотложных дел, но где-то в десять часов вечера давайте все вместе поужинаем. И не забудьте позвать девочек, всех до единой, – напомнил Гитлер.

– Вы не представляете, как они будут счастливы вновь увидеть вас. Мы испечем для вас любимый яблочный пирог, – сказала фрау Кристиан уже в спину удаляющемуся рейхсканцлеру.

От первого перехода они прошли ко второму, где располагались комнаты адъютантов и ординарцев. Далее шел зигзагообразный длинный ход. Перед одной из дверей генерал-лейтенант Хойзингер остановился. Когда Гитлер подошел ближе, он потянул за большую бронзовую ручку и распахнул широко дверь.

– Это ваш кабинет.

Адольф Гитлер прошел внутрь помещения. Кабинет оказался небольшим, стены были обиты ореховыми панелями, поднимающимися от пола к потолку. У противоположной стены стоял кожаный коричневый диван с низенькой спинкой. Подле него стоял небольшой стол с лампой в самом центре. Воздух был чистым, почти лесным, трудно было поверить, что сверху нависает двадцать метров бетона, земли и камней.

Гитлер уверенно подошел к столу, щелкнул выключателем, лампа ярко вспыхнула. Одобрительно кивнув, рейхсканцлер произнес:

– Хорошо. Мне здесь нравится. Только повесьте на стены какие-нибудь красивые миниатюры, которые поднимали бы настроение.

– Что вы предпочитаете? Может, что-нибудь из Дюрера?

– Нет, лучше пусть будут какие-нибудь горные пейзажи. А где находится спальная комната?

– Следующая дверь по коридору.

Адольф Гитлер порывисто вышел из кабинета, прошел несколько шагов по коридору и вошел в спальную комнату, такую же небольшую, но очень уютную. Высокая широкая кровать стояла с правой стороны от двери, рядом с ней – тумбочка. Пол устилал толстый ковер с кабаналистическими рисунками.

– А это что такое? – нахмурившись, показал рейхсканцлер на баллоны, стоявшие в самом углу.

– Это баллоны с кислородом, мой фюрер, – с готовностью откликнулся генерал-лейтенант.

– Баллоны отсюда нужно убрать, – распорядился Гитлер, – они могут взорваться. Приготовьте для них отдельное помещение и как следует укрепите в нем стены. А еще лучше, если они будут находиться отдельно в какой-нибудь землянке. У вас найдется такая?

– Да, мой фюрер! – отвечал генерал-лейтенант, мгновенно оценив сложность инженерных работ.

– Когда вы сможете устранить недостаток?

– Займемся этим немедленно. Думаю, нам понадобится несколько часов.

– Я говорю о реальных сроках, – несколько раздраженно произнес Гитлер.

– Самое большее – сутки. Будем работать день и ночь.

– Пусть в спальную комнату будут проведены только трубы!

– Сделаем, мой фюрер, – заверил генерал-лейтенант.

– И еще вот что... Меня очень беспокоит содержимое всех баллонов в Ставке. В наше время трудно кому-либо доверять, и я не исключаю, что в них может находиться ядовитый газ. Вы проверили содержимое всех баллонов?

– Так точно! – охотно откликнулся Хойзингер. – В лаборатории города Летцен.

– Хорошо, – довольно протянул Гитлер. – Я им доверяю, у этой лаборатории хорошая репутация.

Вышли из блиндажа, в лесу заметно посвежело. Близился вечер, на столбах были смонтированы лампы направленного действия, освещавшие пути сообщения между блиндажами.

Гитлер хранил задумчивость. Сопровождающие подметили, что ему нравилось не все.

Генерал-лейтенант Хойзингер терпеливо ждал вердикта фюрера.

– Вот что я вам скажу, Хойзингер, я всерьез опасаясь русского десанта. Установите на крыше моего блиндажа пулеметные гнезда, контролирующие подступы к нему. Это первое... Второе: перед входом в блиндаж должна стоять толстая бетонная стенка. А в проходе между блиндажом и стеной по обе стороны от входа поставьте пулеметы.

– Сделаем, мой фюрер, – с готовностью отозвался генерал-лейтенант. Это было сделать куда легче, чем провести дополнительные инженерные работы.

– Это еще не все... Перед блиндажом для гостей вырыть рвы и тоже установить пулеметы. Думаю, только при всех этих условиях я буду как-то защищен.

– Вам не стоит беспокоиться, мой фюрер, вы находитесь под надежной защитой. Не хотелось бы думать о крайностях, но каждый из нас готов отдать жизнь за своего фюрера.

– Я не сомневаюсь в вашей преданности, Хойзингер. – Повернувшись к Линге, Гитлер сказал: – Просто у меня дурное предчувствие, а я привык доверять ему... Даже не знаю, с чем это связано... А оно не однажды спасало меня от смерти. Мне бы хотелось, чтобы я и мои люди были надежно защищены.

– Мой фюрер, я всецело согласен с генерал-лейтенантом, здесь вы находитесь в полнейшей безопасности, – заверил адъютант.

– Вот что, Линге, чтобы я чувствовал себя еще более защищенным, обратитесь к Шпееру – пусть он выделит нам десантные автоматы. Я их опробовал, и они мне понравились. И еще подберите для меня какую-нибудь винтовку.

– Мой фюрер, вам совершенно не нужно оружие, – попытался возразить Линге. – В Ставке достаточно людей, чтобы в случае необходимости защитить своего фюрера до подхода подкрепления.

– Послушайте, Линге, я опытный вояка и к таким вещам, как война и собственная безопасность, отношусь серьезно... А потом, неужели вы думаете, что я буду сидеть в бункере, пока меня защищают мои солдаты? – с некоторой театральностью спросил Гитлер. – Если нападение русских все-таки состоится, я буду сражаться с врагами плечом к плечу вместе с вами. – И, заметив, что адъютант пытается что-то сказать, добавил: – И не надо мне возражать, я знаю, о чем я говорю! Лучше проследите за тем, чтобы мои ординарцы не пропускали занятия по стрельбе.

– Слушаюсь, мой фюрер!

Коротко прогудел гудок. Обернувшись, Гитлер увидел, как по территории Ставки из аэропорта движется поезд, груженный вещами, привезенными из «Бергхофа». Во втором и третьем вагонах находился его личный багаж – вещи, необходимые для длительного пребывания на новом месте. Четвертый, пятый и шестой вагоны занимали мебель, предметы быта, милые сердцу вещи, которые должны будут придать новому месту обитания прежний уют. Последние вагоны состава занимали служебная документация, карты, переписка, архив.

В окне второго вагона Адольф Гитлер увидел улыбающуюся Еву Браун. Суровое лицо рейхсканцлера сразу же подобрело, плотно сжатые губы вдруг растянулись в располагающую улыбку. Он приветливо помахал приближающемуся поезду.

- Когда у нас совещание с генералитетом? – обратился Гитлер к Хойзингеру.
- Через полчаса.
- Сообщите всем, что я подойду самое большее через час. Мне нужно срочно сделать несколько важных распоряжений по телефону и выслушать два коротких доклада.
- Можете не торопиться, мой фюрер, мы будем ждать столько, сколько потребуется.
- Линге, – Гитлер посмотрел на адъютанта, – проводите меня до моей комнаты. А то я заблужусь в этих лабиринтах.

Глава 2

Что говорит разведка

Гитлер пришел ровно через час. Все приглашенные генералы собрались в зале для совещаний – это был небольшой дом, покрытый шестидесятисантиметровым слоем бетона. День выдался душным, окна были раскрыты настежь, чтобы в тесное помещение свободно попадал свежий воздух. Надвигалась вечерняя прохлада, что было очень приятно.

В комнате для совещаний кроме самого Хойзингера присутствовали генерал-фельдмаршалы Эрнст Буш и Нодель, генерал-полковник Альфред Йодль, начальник Главного штаба Военно-воздушных сил Гюнтер Кортен, группенфюрер СС Герман Фегейн, генерал артиллерии Вальтер Варлимонт, начальник Управления имперской безопасности Кальтенбруннер. За соседним небольшим столиком разместились стенографисты Брунер и Хайнц Буххольц.

За прошедший час рейхсканцлер значительно приободрился, но лицо его по-прежнему хранило отпечаток усталости. Посмотрев на Хойзингера, Гитлер разрешил:

– Начинайте, генерал. Мне не терпится послушать ваш доклад.

– Мой фюрер, я сразу хотел заметить, что обстановка на фронтах крайне напряженная. – Склонившись над картой, разложенной на столе, он провел по ней рукой, обозначая позиции. – Армии русских наращивают атакующую мощь, – показал он на красные изогнутые стрелы, – в настоящее время бои идут на подступах к Минску. Наши войска делают все возможное, но боюсь, что город удержать не удастся. Судьба города решается буквально в эти часы.

Адольф Гитлер сидел за столом, сильно сгорбившись, и выглядел понурым. Он уныло посматривал на карту с обозначенными на ней красными и синими стрелами. Его левая рука, словно не отыскав нужной опоры, висела плетью, слегка подрагивая, другая упиралась в подбородок.

Генерал-лейтенант сделал небольшую паузу, после чего продолжил:

– Русские армии вплотную подошли к Бобруйску. На подступах к городу идут упорные бои. Несмотря на переброшенные к городу дивизии группы армий «Северная Украина» и на упорные контратаки, удержать его вряд ли удастся. Мы очень рассчитывали, что наступлению русских войск помешает разлившаяся после дождей Березина, но русским удалось форсировать ее широким фронтом, расчистить плацдарм на противоположном берегу, закрепиться на нем, а затем при поддержке артиллерии углубиться в нашу эшелонированную оборону.

– А что же в таком случае делают наши войска? – в некотором раздражении прервал доклад Гитлер.

– Наши войска яростно сражаются и беспрестанно атакуют. Русские несут большие потери, в нескольких местах нам удалось сбросить их в реку, но Березина форсирована широким фронтом, и в данном случае лучше отступить, чем попасть в окружение.

– Продолжайте, – угрюмо проговорил Гитлер.

– В настоящее время боевые дозоры русских во главе с танковыми группами приближаются к Вильнюсу и Гродно, – он указал на жирную красную стрелку, обходящую названные города. – Другая группа дозоров выдвигается в южном направлении на Барановичи и Брест-Литовск. Наши соединения оказывают им усиленное сопротивление. По данным нашей разведки, против нас действуют свежие дивизии, переброшенные из-за Урала.

– Что вы можете сказать о сложившейся ситуации? – неожиданно повернулся Гитлер к генерал-фельдмаршалу Эрнсту Бушу, командующему группой армий «Центр».

Свою карьеру генерал-фельдмаршал Эрнст Буш начал в двенадцатилетнем возрасте, поступив в кадетское училище. Он не без оснований считался прирожденным военным. Всю

Первую мировую войну прослужил в окопах на передовой, был дважды ранен и дослужился до командира батальона.

Перед началом Второй мировой войны успел возглавить армейский корпус. Участвовал в польской кампании, брал Краков. Далее была военная кампания во Франции. После взятия Вердена Буш получил звание генерал-полковника и Рыцарский крест Железного креста под номером 45 за личную храбрость в бою и за успешное руководство войсками.

Совсем не случайно Шестнадцатая армия, находившаяся под его командованием и входившая в группу армий «Север», одной из первых вторглась на территорию Советского Союза. К сентябрю она дошла до Демянска и впоследствии успешно отбила наступление советских войск в ходе Старорусской операции.

Год назад Эрнст Буш был произведен в генерал-фельдмаршалы за успешные оборонительные операции. В его военной биографии было немало блестящих страниц, которыми по праву можно было гордиться. Но сейчас более чем семисоткилометровый немецкий фронт под натиском русских просто рушился! Советы вышли к берегам Березины и через считанные часы должны взять Минск.

В среде военных Эрнст Буш имел авторитет стратега, обладал даром предугадывать замыслы противника. Все принимаемые им решения были взвешенны и строго обоснованны. Но сейчас, глядя в усталое, посеревшее лицо фюрера, он вдруг осознал, что у него нет ответа.

За столом повисло неловкое молчание. Все собравшиеся смотрели на Эрнста Буша, силившегося подобрать подходящие слова. Но вот беда – нужные слова не находились.

– Чего же вы молчите? – раздраженно спросил Гитлер. – Ведь это же ваши войска!

– Русские очень многому научились в этой войне, – наконец произнес генерал-фельдмаршал, – надо отдать им должное – они очень сильный противник. И по характеру мышления они не похожи ни на поляков, ни на французов. Умеют действовать быстро, решительно и...

– Вижу, что вы ничего не можете ответить мне в свое оправдание... Так вот, Эрнст, – прервал фельдмаршала Адольф Гитлер. – Вы отстраняетесь от командования группой армий «Центр» за неповоротливость! Вместо вас назначается генерал-фельдмаршал Вальтер Модель. Надеюсь, он сумеет предотвратить беспорядочное отступление наших армий. Как вы на это смотрите, Модель?

– Мой фюрер, я принимаю любое ваше решение.

– Надеюсь, что у нас с вами не возникнет никаких разногласий. Ваша задача – остановить наступление русских. Уверен, что у вас это получится лучше, чем у кого-либо. А вы, Буш, направляетесь в резерв, совещание мы продолжим без вас.

Генерал-фельдмаршал Буш выдержал удар с каменным лицом. Вот только выглядел бледнее обычного. Поражение от русских и потеря большого количества людей не прошли для него бесследно. Вскинув на прощание руку, он молча вышел из кабинета.

– Продолжайте, Хойзингер! Должен же мне кто-то доложить о том, что творится на фронте!

– Мой фюрер, я разговаривал со многими генералами, и общее мнение такое, что нам вряд ли удастся задержать русских у границ Восточной Пруссии. Армии беспорядочно отступают, сообщение между ними прервано. А там, где наши войска еще держатся, в линии обороны имеются значительные бреши. Вряд ли нашим войскам удастся устоять еще день-другой.

– Что говорит разведка? Где ждать направление главного удара? – прервал его Адольф Гитлер.

– В разведке – значительные просчеты, мы никогда не знаем, где у русских будет направление главного удара. Их главные атакующие действия все время приходится на разные участки фронта. Прорвав эшелонированную оборону, соединения русских устремляются в эту брешь неукротимым потоком, который просто невозможно остановить. Нашей разведке не удастся

установить точное место главного удара. Если бы мы знали о нем, то я не сомневаюсь, что мы смогли бы не только остановить русских, но еще и перейти в контрнаступление.

– Что вы можете сказать о разведке русских?

– Разведка русских находится на самом высоком уровне. Они практически безошибочно определяют уязвимые места в нашей обороне и бьют именно туда!

Правая рука рейхсканцлера опустилась на карту с нарисованными стрелками. Он нервно водил по поверхности ладонью. Карта была детальной, очень подробной, отображала тактические и специальные задачи. Немецкие оборонительные позиции были четко прорисованы и обозначены: линии обороны, корпуса, армии. Карта наглядно показывала динамику боевых действий, продвижение советских войск в глубину немецких позиций. Русские действовали нестандартно, взламывали оборону немецкой группировки, обходили ее с флангов, образовывали котлы. В своих наступательных действиях не повторялись, всякий раз выдумывая нечто особенное; нестандартными решениями зачастую ставили немецкое командование в тупик и умело выбирали место для главного удара.

На лбу Гитлера собрались мелкие складки: «А ведь Хойзингер действительно прав. Русских можно остановить. Для этого достаточно знать направление главного удара, перебросить дивизии с соседних фронтов, укрепить предполагаемое место атаки, а когда наступление русских захлебнется, подтянуть резервы и самим перейти в контрнаступление. Еще не все потеряно: немецкому народу нужно мобилизоваться, собрать все силы в единый кулак, по-новому осознать свое великое предназначение – и тогда можно гнать русских до самой Москвы, как это было в сорок первом».

Около четырех месяцев назад Гитлер объявил об отстранении адмирала Канариса. Часть группы Абвера теперь была подчинена Главному управлению имперской безопасности во главе с обергруппенфюрером Эрнстом Кальтенбруннером. Следовало признать, что у Канариса были заслуги. Именно благодаря Абверу нападение на Советский Союз стало полной неожиданностью для Сталина. «Лукавый Грек» сумел перехитрить Сталина. Однако в последние годы деятельность Абвера стала давать серьезные сбои. Именно разведка Абвера просмотрела подход к Москве четырнадцати резервных дивизий и девяти сибирских: соединения возникли будто бы из ниоткуда. Близорукость вице-адмирала Канариса стоила Третьему рейху тяжелого отступления. Весьма неэффективно показала себя «Абвергруппа-104», действовавшая во время Сталинградского сражения при Шестой армии. Добытые ею сведения о количественном составе русских армий и о направлении главного удара были неточны, что в конечном итоге привело к капитуляции. Только в одной этой армии погибло более восьмидесяти тысяч солдат!

Немалые просчеты Абвера были и во время Курской битвы. Каким-то образом Советам удалось узнать об операции «Цитадель». Разведка русских даже установила дату предстоящего наступления, что позволило им произвести упреждающий удар по уже подошедшим соединениям и во многом нейтрализовать передовые пехотные части.

Самым большим грехом ведомства являлось то, что его люди участвовали в заговоре против фюрера, в значительной степени скомпрометировав всю разведслужбу Абвера. Адмиралу Канарису удалось убедить следствие, что он не имел никакого отношения к готовившемуся покушению. Но именно с ареста подчиненных Канариса началось расследование всей деятельности разведслужбы. И фюрера теперь не покидали сомнения: а так ли вице-адмирал Канарис невиновен, как хочет казаться? Ведь всем прекрасно известно, что в Абвере ничто не делается без личного одобрения руководителя: для всех своих сотрудников он – непререкаемый авторитет.

Адольф Гитлер посмотрел на сидевшего напротив Кальтенбруннера. Тот, заметив направленный на него взгляд фюрера, распрямил спину. Оба они были родом из Верхней Австрии и порой, вызывая понимающие улыбки окружающих, любили поговорить на диалекте.

В генералитете находилось немало недоброжелателей, злословивших о том, что своим возвышением Кальтенбруннер был обязан землячеству с фюрером. Если эти слухи и имели основания, то лишь отчасти, в действительности же Эрнст Кальтенбруннер был не без способностей. Получил юридическое образование, позднее имел неплохую адвокатскую практику, в двадцативосьмилетнем возрасте вступил в СС, когда организация насчитывала всего лишь несколько тысяч человек. Еще через три года он возглавил СС в Линце. Его биографию украсил кратковременный арест в 1934 году, после которого его возвышение можно было назвать стремительным. В тридцать три года он возглавил восьмой округ СС, включающий Нижнюю и Верхнюю Австрию. В том же году стал штандартерфюрером СС, а уже на следующий год – оберфюрером СС. Являясь одним из доверенных лиц Гитлера, он был рекомендован на пост руководителя СС в округе «Дунай». Еще через год получил звание бригаденфюрера СС. Последние полтора года Кальтенбруннер являлся начальником полиции безопасности и СД, начальником Главного управления имперской безопасности, государственным секретарем Министерства внутренних дел и обергруппенфюрером СС.

Гитлер доверял Кальтенбруннеру безоговорочно, именно в силу этой причины он и передал ему зарубежный отдел Абвера при Верховном командовании Вермахта.

Однако Кальтенбруннер не очень торопился в Берлин, предпочитая служить в родной Австрии. Он возглавлял СС и полицию в Вене. Назначение состоялось, когда Гитлер решил окружить себя преданными людьми.

– Эрнст, – назвал он Кальтенбруннера по имени, что не ускользнуло от внимания присутствующих. По своему обыкновению Гитлер всех называл по фамилии, но в этот раз он сделал исключение, что должно было подчеркнуть их с Кальтенбруннером особые отношения.

Обергруппенфюрер оценил такое обращение: сдавленно сглотнув, он еще более распрямился и произнес:

– Да, мой фюрер, – голос генерала неожиданно дрогнул.

– В вашем ведомстве есть человек, который мог бы узнать, в каком именно месте и когда будет нанесен главный удар русских?

Всесильное Главное управление имперской безопасности в последнее время укрепилось за счет специалистов из Абвера, на счету которых было немало успешно проведенных операций. Но в таком щекотливом деле, как просьба рейхсканцлера, Эрнст Кальтенбруннер предпочитал опираться на собственный кадровый состав, которому доверял.

Служба имперской безопасности была довольно разветвленной. Ее агенты действовали буквально всюду. Немало их было за границей под прикрытием германских дипломатических миссий в качестве торговых представителей, корреспондентов различных изданий, сотрудников всевозможных организаций. Но особенно их было много среди немцев-фольксдойче, компактно проживающих в Прибалтике и России и продолжающих считать Германию своей единственной родиной. Большинство из них успешно делали карьеру в правительственных организациях, вели активную политическую деятельность, немало их было во всевозможных антифашистских организациях. Через них полиция безопасности получала самую правдивую информацию о настроении в обществе и на оккупированных территориях. Большинство из завербованных немцев-фольксдойче значились как особо важные агенты.

Деятельность СД была весьма обширна: от осуществления диверсионных актов до политических убийств. Немалый опыт СД имела в организации повстанческих выступлений.

Эрнст Кальтенбруннер был лучшей кандидатурой, на кого Адольф Гитлер мог опереться в трудную минуту.

Обергруппенфюрер мысленно перебрал всех надежных агентов, со многими из которых был знаком лично: каждый из них был талантлив в своем деле, обладал полным комплексом качеств для идеального разведчика, но даже среди них встречались весьма редкие экземпляры человеческой породы, выглядевшие среди прочих настоящими алмазами в груде песка.

– Да, мой фюрер, у меня есть такие люди, – уверенно произнес начальник Главного управления имперской безопасности, – вы можете всецело на меня положиться.

– Кальтенбруннер, мне не нужны ни слухи, ни домыслы, ни непроверенные факты, которыми Канарис со своим ведомством «кормил» Генеральный штаб. Меня интересуют документы, используемые русскими генералами: карты, донесения, приказы, схемы за подписью людей, принимающих ключевые решения. Такое возможно? – в упор посмотрел Гитлер на Кальтенбруннера.

Верховный главнокомандующий требовал многого, но и возможности у Службы безопасности были немалые. Обергруппенфюрер Кальтенбруннер мог припомнить немало случаев, когда его разведка делала невозможное, проникая в самые засекреченные хранилища.

Особенно успешно они работали против англичан. За некоторыми из политиков велась целенаправленная охота: их подлавливали с любовницами, шантажировали сомнительными связями; словоохотливых опаивали в ресторанах и вызывали на откровенный разговор, выуживая важные сведения. В ход шло буквально все: подкуп, обман, шантаж, убийства. Конечная цель – получение секретной информации – оправдывала любые средства.

Для вербовки в Советском Союзе требовались совершенно новые методы, не применимые для американцев и англичан: русских мало интересовали деньги, их можно было подловить только на идее.

– У меня есть надежные люди, которые выполняют ваш приказ, – уверенно произнес Кальтенбруннер.

Посмурневшее лицо Адольфа Гитлера просветлело. Едва заметно улыбнувшись, он ответил:

– Хорошо, Кальтенбруннер, я доверяю вам.

Заседание продлилось недолго. Чувствовалось, что Гитлер заметно устал и находился в крайне раздраженном состоянии, привести его в бешенство могла любая мелочь. Особенно он не терпел возражений.

Неожиданно фюрер замолчал, посмотрел на бабочку, беспомощно бьющуюся в стекло, и хмуро произнес:

– Да распахните вы наконец окно! Выпустите ее на волю!

Подскочивший адъютант широко распахнул рамы.

– Благодарю вас, Линге... На меня что-то скверно действует прелый климат Восточной Пруссии. Мне нужно привыкнуть. Давайте завершим наше заседание. А вам, Хойзингер, я поручаю подготовить план глубоко эшелонированной обороны на участке армий «Северная Украина».

– Слушаюсь, мой фюрер!

Вскинув на прощание руку, рейхсканцлер порывистым шагом вышел из зала.

Глава 3

Я не привык отменять приказы

При первой встрече обергруппенфюрер Кальтенбруннер производил не лучшее впечатление и резко отличался от своего ближайшего окружения: он был высок, широкоплеч, имел массивную, заметно вытянутую голову; глаза были пронизывающими и холодными. Но особенно впечатляющими были его руки с пожелтевшими от табачного дыма пальцами и широкими ладонями – такие нередко можно было встретить в старину у палачей где-нибудь в глубоких имперских казематах.

Неровную кожу лица уродовали рубцы и длинные шрамы, которые он получил на дуэлях во время учебы в университете и в противостоянии с полицией, при формировании первых отрядов СС.

Эрнст Кальтенбруннер обладал массой недостатков, включая скверный характер, пренебрежительное отношение к женщинам, отвратительную привычку выкуривать по сто сигарет в день, страдал от алкоголизма, непопулярного среди высшего руководства партии.

Его биографию дополняли две важнейшие черты, сглаживавшие все остальное. Во-первых, он был фанатичным нацистом, яростно боровшимся против засилия славян и евреев в Австрии, и второе: родившись на границе Австро-Венгрии и Баварии, он являлся земляком фюрера. Гитлер никогда не забывал Эрнста и делал все возможное, чтобы продвинуть его на вершину власти.

Речь Кальтенбруннера зачастую звучала невнятно из-за сильнейшего австрийского диалекта, которым он втайне гордился, вдобавок он сильно шепелявил из-за отсутствия половины зубов. Так что собеседником он был непростым. Геринг при первой встрече с Кальтенбруннером посоветовал ему заняться зубами. Рекомендация была проигнорирована, все потому, что дантистов Эрнст боялся до смерти. Возможно, пренебрежение к совету одного из вождей партии стоило бы кому-то карьеры, но только не Кальтенбруннеру – после насильственного присоединения Австрии к Германии авторитет Кальтенбруннера в партии приобрел еще большую силу.

Сейчас он находился на пике карьеры, избавившись от главного своего соперника – вице-адмирала Канариса. Руководитель Абвера откровенно не любил Кальтенбруннера, называя его «гориллой с руками убийцы». Кальтенбруннер платил ему тем же и терпеливо собирал на адмирала компрометирующий материал, где главным пунктом значилась его работа на английскую разведку. Когда наконец папка приобрела должную толщину, Кальтенбруннер отнес ее Гиммлеру, но, к его немалому удивлению, тот не дал материалу ход, заявив, что собранные донесения нуждаются в более тщательной проверке.

Кто знает, как долго оставался бы Вильгельм Канарис неприкасаемым, если бы однажды фюрер не попросил его сделать доклад о положении войск на Восточном фронте. Вице-адмирал пришел на совещание с толстой папкой, вмещавшей выкладки аналитиков, донесения и шифровки, и скромно устроился в самом дальнем конце стола. Когда фюрер дал ему слово, Канарис без прикрас, хорошо поставленным голосом рассказал о тяжелом положении армии. Гитлер молча слушал, все более хмурясь, а затем, опрокидывая все на своем пути, метнулся к вице-адмиралу:

– Вы пытаетесь убедить меня в том, что я проиграл войну русским?! – закричал он в ярости прямо в лицо опешившему вице-адмиралу.

Выждав паузу и вытянувшись, Канарис спокойно, умеря горячую кровь, бурлившую в его жилах, произнес:

– Мой фюрер, ничего подобного я не утверждал. Просто я хотел доложить вам, что действительно сейчас происходит на Восточном фронте.

Откровенный доклад дорого обошелся вице-адмиралу Канарису. Гитлер припомнил ему все грехи сразу, даже те, на которые прежде закрывал глаза.

Первый из них: необъективный доклад о состоянии Красной армии на июнь сорок первого года. Незадолго перед войной с Советским Союзом Канарис хвастливо заявлял, что русская армия – не что иное, как плохо вооруженный сброд. При этом он позабыл упомянуть о новейших разработках русских, в том числе о танке «Т-34» и о реактивной системе залпового огня «БМ-13», которую русские нарекли ласковым женским именем «Катюша» (у немцев она получила более прозаическое название «Орган Сталина»).

Терпение Гитлера кончилось. Через час после совещания вице-адмирал Канарис был отстранен от руководства военной разведкой и направлен в армию на снабженческую работу, а Кальтенбруннер с Шелленбергом решили покончить с Абвером окончательно, разделив хозяйство Канариса поровну.

Вскоре адмирал был окончательно уволен из армии и в настоящее время проживал на своей родовой вилле. Единственным занятием, которое доставляло ему радость, была прогулка со своими собаками в смешанном лесу.

До Кальтенбруннера доходили слухи о том, что Канарис всерьез переживает за свою безопасность, однако ничего не предпринимает для своего спасения. У него имелась возможность перебраться в Испанию, где вице-адмирал вместе со своей семьей под покровительством генерала Франко мог бы чувствовать себя в полнейшей безопасности, однако он категорически отверг такое предложение, всецело положившись на судьбу.

Следовало отдать должное вице-адмиралу Канарису – разведчиком он был прирожденным. При его личном участии за девять лет руководства военной разведкой были открыты филиалы Абвера во многих странах мира, а сама организация превратилась в мощнейшую структуру с собственной армией. Именно Канарису принадлежала идея организации разведывательно-диверсионных школ, которую он впоследствии блестяще осуществил.

Эрнст Кальтенбруннер понимал, что большая часть руководящего состава была предана Канарису фанатично, считая его едва ли не богом разведки. Порой трудно было понять, кому они все-таки служат: ассимилированному греку, поднявшемуся в Третьем рейхе до самого верха, или все-таки фюреру?

От людей Канариса нужно было избавляться. Большая их часть была отозвана из-за границы, отстранена от работы в разведке и направлена командовать ротами и батальонами на Восточном фронте. Во всяком случае, от них там будет куда больше пользы, чем на юге Франции или где-нибудь в Швейцарии. Другая часть агентов после смещения Канариса просто перестали выходить на связь, не доверяя нынешнему руководству.

В подразделении «Заграница», доставшемся обергруппенфюреру Кальтенбруннеру после отстранения Канариса, было немало агентов, способных выполнить поставленную фюрером задачу.

Было два варианта достать интересующие данные: поручить агентам, находящимся в непосредственной близости от Народного комитета обороны, украсть нужный материал или захватить его с боем в одном из штабов армии.

Первый вариант был вполне по силам агенту № 335, служившему последние два с половиной года в Народном комитете обороны. Завербован он был еще в августе сорок первого года самим Рейнхардом Гейдрихом, на тот момент начальником Главного управления имперской безопасности. Гейдрих лично провел с пленным советским капитаном, попавшим в окружение, несколько продолжительных бесед, в результате которых буквально перетащил того в свою веру. Оставалось только удивляться прозорливости молодого генерала: как в потоке пленных он сумел разглядеть человека, идеально подходящего для сложных задач разведки.

Получаемый от агента материал всегда был очень важным и достоверным. Русский был настолько ценным агентом, что ему даже не дали псевдоним, а только номер, опасаясь, что по косвенным признакам советская контрразведка сумеет распознать в нем внедренного агента. Именно он назвал точную дату наступления армий Рокоссовского в Белоруссии. Беда в том, что Гитлер почему-то не поверил этим данным – в руководящем составе Красной армии у него имелся свой источник информации, которому он доверял несравненно больше.

На прошлой неделе агент № 335 передал ряд копий важных документов о предстоящей мобилизации русских, и озадачивать его еще одним сложным заданием было бы большим риском. В последнем сообщении он откровенно заявлял, что вот уже месяц вокруг него складывается нездоровая обстановка, а несколько дней назад по подозрению в шпионаже были арестованы два человека из его отдела. Следовало затаиться и выжидать: терять такого ценного и опытного агента было бы неразумно.

Следовательно, стоит остановиться на втором варианте: создать диверсионную группу, которая могла бы раздобыть нужные документы.

Для поставленной задачи более всего подходили подразделения «Бранденбург-800» и «Курфюрст».

Подразделение «Бранденбург-800» имело глубокие и сильные традиции, уходящие еще в тридцатые годы, когда Абвер только начинал создавать диверсионные отряды. На счету подразделения насчитывалось немало блестяще осуществленных операций. Чего только стоит операция по захвату Майкопа – город был взят буквально без единого выстрела, только с помощью хорошо налаженной дезинформации.

Обычно бойцы отдела «Бранденбург-800» десантировались на особо важные объекты, включая мосты и железнодорожные станции, и удерживали их до подхода основных сил.

Потребность в диверсантах высокого уровня возросла сразу же с первых дней войны, а потому не случайно соединение, бывшее в тридцать девятом году ротой, к концу войны выросло до размеров дивизии. Единственный минус заключался в том, что «Бранденбург-800» не входил в состав Главного управления имперской безопасности, а значит, Кальтенбруннеру напрямую не подчинялся.

А вот полк «Курфюрст» состоял под его началом. Образован он был на базе 805-го полка дивизии «Бранденбург-800» и выполнял схожие задачи. Еще один важный момент – полк был базой одной из центральных разведывательно-диверсионных школ Абвера-2, где требования для кандидатов были немного выше, чем для отдела «Бранденбург-800». Также на базе полка проходили курс подготовки штатные сотрудники Абвера перед отправкой на территорию противника. Был еще один значимый момент, склонивший Кальтенбруннера в пользу «Курфюрста», – командиром полка был его старинный приятель майор Партель.

В полк брали исключительно немцев из рядового и унтер-офицерского состава, владеющих одним иностранным языком. Со многими офицерами Эрнст Кальтенбруннер был знаком лично. Одним из них был гауптштурмфюрер Вильфрид Штольце, специалист по захвату стратегически важных объектов. Родом он был из Баварии, но долгое время служил в Прибалтике, где и выучил русский язык. Окончил Мюнхенский университет. В 1932 году вступил в национал-социалистическую партию Германии, в этом же году возглавил один из штурмовых отрядов. С приходом Гитлера к власти вступил в ряды СС.

В тридцать девятом году, незадолго до начала войны, Вильфрид был завербован отделом Абвер-2 и прошел полный курс обучения, а с началом боевых действий был задействован в операциях на границе Польши и Чехословакии. В Бельгии, в небольшом местечке Ост-Динге, диверсант проходил подготовку для вторжения в Англию. Однако в декабре их роту расформировали без объяснения причины, раскидав личный состав по различным подразделениям.

Свою безупречную карьеру диверсанта гауптштурмфюрер продолжил на Восточном фронте. В сорок первом, когда бои шли по всему фронту, в составе восьмой роты отдела «Бран-

денбург-800», переодевшись в форму красноармейцев, они захватили и разминировали мост через Даугаву под Даугавпилсом, подготовленный к взрыву советскими минерами. В какой-то момент операция пошла не по плану, и отряд диверсантов был изобличен. «Бранденбургам» ничего не оставалось, как вступить в сражение с частями Красной армии. В ходе одного из боев был убит командир роты обер-лейтенант Кнак, и гауптштурмфюрер принял командование на себя. Несмотря на значительные потери, им удалось удержать мост до подхода передовых частей группы армий «Север».

Несколькими днями позже, отказавшись от положенного отдыха, Вильфрид в составе десяти диверсантов был прикреплен к первому батальону «Бранденбург-800», усиленному ротой батальона «Нахтигаль». Буквально с ходу они захватили город Львов, взяли под усиленный контроль транспортные узлы и важнейшие стратегические объекты.

В Белоруссии, под Логойском, близ небольшой деревеньки Молоди он едва не погиб, получив легкую контузию в коротком бою с партизанами. А в Югославии был легко ранен в руку и две недели пролежал в госпитале под Загребом.

За прошедшие четыре года Вильфрид Штольце успел отметить в десятках мест, начиная Францией и заканчивая Ленинградской областью. Более подходящей кандидатуры, чем гауптштурмфюрер Штольце, подобрать было сложно. Вильфрид был лучшим в своем деле: если кто и мог справиться с поставленной задачей, так только он.

С января полк «Курфюрст» дислоцировался в небольшом живописном местечке Каменц, близ Дрездена. Обергруппенфюрер Кальтенбруннер бывал там не однажды и убедился: подготовка проводилась на высочайшем уровне, с применением новейшего оружия и использованием наработанных методик. Руководство полка старалось привлекать к работе лучших специалистов. Особое внимание уделялось диверсионному делу и методике ведения войсковой и агентурной разведки. Каждый агент стоил нескольких солдат, а потому даже отряд из десяти человек представлял собой реальную силу, противостоять которой было очень непросто.

После некоторого колебания Кальтенбруннер взял трубку и набрал номер.

– Майор Партель? Это Кальтенбруннер.

– Слушаю, господин обергруппенфюрер.

– Мне бы хотелось встретиться с вашим подопечным гауптштурмфюрером Вильфридом Штольце. Пусть придет ко мне завтра в канцелярию часам к девяти. Я распоряжусь выпустить ему пропуск.

– Я передам, господин обергруппенфюрер. Только сейчас он отдыхает с семьей на родине, в Баварии, – в голосе командира полка послышалось некоторое сомнение. – Успеет ли?

– Я не привык отменять приказы.

– Все понял, – с готовностью отозвался майор Партель. – Может, передать что-нибудь еще?

– Ничего не нужно, Партель. Все самое важное я сообщу ему при встрече.

Кальтенбруннер аккуратно положил трубку на рычаг. Можно было поручить сделать звонок адъютанту, чтобы тот от его имени приказал Штольце явиться в штаб к назначенному времени. Но такой случай подразумевал бы, что речь идет о самой обыкновенной операции, каких в биографии гауптштурмфюрера насчитывалась добрая сотня. Своим же звонком Кальтенбруннер хотел показать исключительную важность предстоящего разговора.

Обергруппенфюрер Кальтенбруннер не стал говорить о предстоящем деле даже с непосредственным командиром Штольце майором Партелем, что означало: речь пойдет о задании высшей степени секретности. Для самого майора подобная практика была не в новинку: агентов часто готовили под конкретное дело, и Партель зачастую даже не знал, в какую точку мира собираются забрасывать его подопечных.

Глава 4

Начало операции

Центральный аппарат Главного управления имперской безопасности располагался в Берлине в комплексе массивных зданий на Принц-Альбрехтштрассе. В действительности хозяйство управления было значительно шире и включало еще тридцать семь зданий, разбросанных по всему городу. Некоторые из строений, с дворянскими гербами на фасадах, были весьма приметны и знамениты: имели многовековую историю прусских королей, и еще сравнительно недавно в них располагалась кайзеровская администрация. Другие здания, построенные накануне войны, не имели даже вывесок. Однако охрана, стоявшая у дверей, своим видом красноречиво давала знать, что здесь размещается серьезная организация.

Кабинет начальника Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера Кальтенбруннера располагался в центральном аппарате, но в каждом из семи управлений он имел удобные комнаты, в которых можно было проводить работу.

Возникновение Главного управления имперской безопасности было не случайным – Гитлер хотел устранить давнее соперничество между службой внешней разведки и государственной тайной полицией. Прежде разведку возглавлял любимец фюрера обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих, но после его гибели два года назад близ пражского города Либень от рук чешских диверсантов дело перешло к Эрнсту Кальтенбруннеру.

Жесткий, не терпевший компромиссов Кальтенбруннер показался фюреру наиболее подходящей кандидатурой, ему под силу было устранить всякие противоречия между спецслужбами по мере территориального расширения Рейха. Но обергруппенфюрера Кальтенбруннера ожидало значительное разочарование – большую часть полномочий, оставшихся после смерти Рейнхарда Гейдриха, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер забрал себе.

* * *

Гауптштурмфюрер СС Вильфрид Штольце прибыл в Берлин ровно в восемь.

В половине девятого он подошел к массивному длинному зданию с колоннами, уверенно поднялся по высокой боковой лестнице, остановился у медного коня, гордо вскинувшего голову, и, как бы случайно, коснулся его приподнятой ноги. Так Штольце поступал всегда, когда навещался в Главное управление имперской безопасности, всерьез полагая, что конь, застывший в меди, принесет ему удачу. Примета его ни разу не подводила, и он очень надеялся, что так будет и на этот раз.

Показав удостоверение в приемной, гауптштурмфюрер Штольце получил пропуск от дежурного офицера и уверенным шагом пересек мраморный холл, как поступает человек, не однажды здесь бывавший. Поднялся по широкой, устланной ковром лестнице и зашагал в направлении приемной начальника Главного управления имперской безопасности.

Остановился в конце коридора перед высокой дверью с надписью «Приемная», потом уверенно потянул массивную резную ручку. Дверь подалась на удивление легко: мягко скользнула на металлических шарнирах и приоткрылась, предоставив вошедшему возможность рассмотреть двух генералов и одного полковника, сидевших на широких с высокими спинками стульях.

Энергично поприветствовав офицеров, Штольце опустился на свободный стул около стены. У окна за небольшим столом расположился секретарь Кальтенбруннера майор Гольц, аккуратно перелистывавший страницы в черной папке. Отыскав нужный протокол, он сделал пометку в своем блокноте и посмотрел на Штольце.

– Гауптштурмфюрер Штольце? – спросил майор.

Вильфрид Штольце оставался серьезным, принимая предложенную игру. В действительности они были знакомы с сорок первого года, когда служили в Абвере-2, в самом засекреченном отделе под началом полковника Гросскурта. Впоследствии их дороги несколько разошлись: майор Гольц вошел в группу 2А, в подразделение, отвечавшее за организацию диверсий в странах Востока и Севера, откуда затем был назначен референтом Кальтенбруннера, а гауптштурмфюрер Штольце был переведен в соединение «Бранденбург-800», а уже из него был направлен в полк «Курфюрст».

Даже проходя службу в разных подразделениях, они не теряли связи друг с другом: временами перезванивались, а последние два года вместе отмечали Рождество, едва ли не до упада напиваясь пуншем. Так что их дружбу можно было назвать крепкой.

– Да, господин майор, – энергично отвечал Штольце.

– Господин обергруппенфюрер распорядился пропустить вас сразу по прибытии. Сейчас он разговаривает с генерал-майором Бентивеньи, потом – ваша очередь.

Генералы и полковник выглядели невозмутимыми: видно, у гауптштурмфюрера действительно имеются весьма веские основания для немедленного визита, если его пропускают раньше генералитета, проигнорировав при этом предварительную запись.

Вильфрид Штольце едва кивнул, понимая, что подобная привилегия не была дружеской любезностью. Гольц вообще отличался редкой педантичностью, следовательно, таково было распоряжение самого Кальтенбруннера. А значит, разговор будет особо важным.

Появление в кабинете Кальтенбруннера Франца фон Бентивеньи было весьма примечательно. Что же такого интересного хотел поведать шефу Главного управления имперской безопасности старый и опытный разведчик?

Несколько месяцев назад он возглавлял Третий контрразведывательный отдел Абвера, но после отстранения Канариса от руководства военной контрразведкой был вынужден уйти в резерв. Похоже, что фон Бентивеньи не терял надежды вернуться на место прежней службы, на что требовалось личное разрешение Эрнста Кальтенбруннера. Хотя вряд ли ему это поможет – обергруппенфюрер недолюбливал старую гвардию адмирала Канариса.

Поднимающееся солнце опалило желтым светом кожаный диванчик, стоявший напротив окна; длинной желтой полосой разделило стену кабинета на две неравные части. Надвигалось душное жаркое лето с обильными проливными дождями, какие могут быть только в Восточной Пруссии.

Гауптштурмфюрер Штольце предпочитал самый юг Германии с мягким климатом, где природа лишена столь редких перепадов. По Обербауерну, затерявшемуся в Баварских Альпах, Вильфрид скучал и не упускал возможности побывать на малой родине.

Поднявшись, Штольце подошел к окну и посмотрел на улицу, не слишком оживленную в этот ранний час. Его внимание привлекли две девушки, одна из которых, одетая в красное длинное приталенное платье, в соломенной шляпке на хорошенькой ухоженной головке, очень напоминала ему Эльзу. Разве что была чуток помоложе. Подруги о чем-то энергично разговаривали, не зная печали, как если бы вовсе и не было войны. Они быстро с веселым смехом перебежали улицу перед надвигающейся колонной грузовых автомобилей, спешащих на Восточный фронт.

Дверь кабинета обергруппенфюрера Кальтенбруннера распахнулась, из него вышел генерал-майор Франц фон Бентивеньи. Выглядел он задумчивым, немного встревоженным. Рассеянно кивнув на прощание офицерам, быстро вышел из приемной.

– Прошу вас, господин гауптштурмфюрер, – произнес майор Гольц. – Заходите.

Вильфрид Штольце одернул китель, распрямил спину и твердым шагом кадрового военного прошел в кабинет начальника Главного управления имперской безопасности.

В ноздри тотчас ударил застоявшийся запах горького табачного дыма. Обергруппенфюрер был известный курильщик и, не считаясь с неудобствами окружающих, выкуривал в день не менее четырех пачек.

Вскинув руку, Вильфрид Штольце энергично и громко поприветствовал обергруппенфюрера. Выглянув из-за облака дыма, Эрнст Кальтенбруннер небрежно бросил:

– Хайль! – После чего предложил: – Садитесь, Штольце.

Вильфрид сел на свободный стул, распрямил спину и в ожидании посмотрел на Кальтенбруннера. Преисполниться большей преданности ему мешал едкий дым, который буквально раздирал ноздри. Неудобство посетителей Кальтенбруннера не заботило, он даже не удосуживался открыть форточку, чтобы выпустить застоявшийся дым наружу.

Положив сигарету на край пепельницы, Кальтенбруннер спросил:

– Как вы добрались?

Вильфрид Штольце невольно проследил за тонкой струйкой дыма, легкой волнистой змейкой поднимавшейся вверх, где-то у самого потолка она медленно рассеивалась легким серым облачком.

– Без происшествий, господин обергруппенфюрер, – произнес Штольце.

– Как давно мы с вами знакомы?

Поднимающийся от сигареты дымок слегка колыхался от дыхания Кальтенбруннера.

– Уже два года.

– Два года... Для войны это большой срок.

– Так точно, господин обергруппенфюрер, – браво согласился Штольце. – На фронте за один день узнаешь человека, как не узнал бы его за целую жизнь.

– Все так... Вы ведь летите из Баварии?

– Да.

– Сколько вы сделали пересадок, чтобы добраться сюда?

– Три, – отвечал гауптштурмфюрер Штольце, вспомнив, что на последнем отрезке самолет пересекся с двумя русскими истребителями: после короткой перестрелки ему удалось оторваться. Но такими деталями обременять обергруппенфюрера не стоило.

Кальтенбруннер кивнул, соглашаясь:

– Я так и думал. Добраться сюда было непросто. Не всегда удастся добраться прямыми сообщениями – в небе сейчас хозяйничают англичане с американцами. Я бы не удивился, если бы вы опоздали к назначенному сроку. Но в этом случае наша встреча просто бы не состоялась... Совсем! И все-таки вы успели! Значит, мой выбор сделан верно. Но признайтесь: после того, что вам удалось повидать, дорога в Главное управление вам представляется почти детской прогулкой.

– Я больше опасался другого...

– Чего же?

– Находясь в самолете, я никак не мог повлиять на ситуацию. Все зависит от умения пилота управлять самолетом и от удачи. А на земле моя судьба находится чаще всего в моих собственных руках.

– Все так... Буду с вами предельно откровенен. Недавно я был на совещании у фюрера. Наши дела на Восточном фронте идут не самым лучшим образом. Русские в Белоруссии и, как мне уже сообщили, уже взяли Минск... Нам с вами предстоит непростая задача, как это ни пафосно звучит, но именно нам доверено переломить ход предстоящего сражения. Русские очень многому научились в этой войне, действуют непредсказуемо, их разведка нередко вводит нас в заблуждение. Служба Абвера оказалась бессильной перед их ухищрениями, именно поэтому фюрер принял решение реорганизовать все наши ведомства и усилить внешнюю разведку таким образом, как того требует нынешнее время. К чему я это говорю... Фюрер дал нам задание выяснить направление следующего удара русских. Сейчас на фронте короткое

затишье, но у нас имеются данные, что наступление русских на белорусском направлении продолжится, несмотря на нашу глубоко эшелонированную оборону. Но где именно, нам неизвестно. Внимать слухам и домыслам мы не имеем права, мы должны опираться на документы самого высокого уровня. Желательно за подписью командующих Первым и Вторым Белорусскими фронтами: Рокоссовского и Захарова. Или Жукова, координатора Первого и Второго Белорусского фронтов. Буквально пару часов назад я получил сообщение, что наиболее уязвимым будет архив Девяносто первого стрелкового корпуса Первого Белорусского фронта. Расположен он в поселке Яровичи, это юго-западнее Минска... Разумеется, о наличии в поселке секретных документов знает только ограниченный круг людей. Для всех – это вещевой склад. Он даже не особенно охраняется, чтобы не привлекать к себе внимание. Прорыва русские не боятся, у них очень хорошо налажена оборона. С воздуха этот район надежно прикрыт, но вот о диверсионной группе никто из них не думает, этим мы можем воспользоваться. Я подробно ознакомился с вашим делом, вы ведь, кажется, бывали там?

– Так точно. Местность мне знакома. Насколько большая должна быть группа?

– Нет смысла забрасывать большой отряд, он будет мгновенно обнаружен русской контрразведкой. Такое задание больше подходит для небольшой мобильной группы, которая может легко затеряться в прифронтовой полосе. Вам предоставляется право собрать группу, разработать план операции и представить его мне для утверждения. После чего вы будете немедленно переправлены через линию фронта. Вам все понятно?

– Так точно, господин обергруппенфюрер. Сколько у меня времени на разработку операции?

– Операция должна начаться в самые ближайшие дни, у нас нет времени на раскачку. Даю вам четыре часа, чтобы вы написали подробный план действий. Меня уверили, что вы – не без талантов, – улыбнулся Кальтенбруннер, отчего шрам на его левой щеке вытянулся в длинную, глубокую белую полосу.

– Этого вполне достаточно, господин обергруппенфюрер, – поднялся Штольце.

– Тогда приступайте. Мой секретарь отведет вас в комнату, где вам никто не мешает. Как только напишете, дайте мне немедленно знать.

Майор Гольц проводил Штольце в небольшую уютную комнату, всего несколько дней назад принадлежавшую Эриху Коху, одному из руководителей Второго отдела. Кальтенбруннер посчитал, что на Восточном фронте в качестве командира полка тот окажется более полезным.

Кабинет еще хранил запах прежнего хозяина, замешанный на крепких сигарах. На столе в рамке стояла фотография, где было запечатлено целое семейство: женщина и трое малолетних детей: два мальчика и девочка, немного в стороне на чистых листах бумаги лежала ручка.

– На несколько часов, Вильфрид, это твое рабочее место.

– Я это оценил, Карл, – едва улыбнулся Штольце.

Как только за майором Гольцем закрылась дверь, Штольце сел за стол. Забытая Кохом фотография мешала сосредоточиться, притягивала взгляд. Чтобы не отвлекаться от уже созревшего решения, Вильфрид перевернул ее изображением вниз. Оставалось непонятным, почему полковник позабыл на столе семейный снимок. Обычно такие вещи забирают в первую очередь. А может, и не было никакого перевода на фронт, может, его держат в одном из подвалов СД, допытываясь о связях Канариса с английской разведкой?.. Ведь всем известно, что ранее руководителя-референта связывали с вице-адмиралом дружеские отношения.

От пришедшей внезапно мысли Вильфрид Штольце невольно передернул плечами. Потребовалось еще долгих пять минут, чтобы создать нужный настрой. Когда же наконец было написано первое слово, Штольце позабыл и о фотографии, и даже о месте, в котором находился, всецело сконцентрировавшись на задании.

Через два часа Вильфрид Штольце поставил точку в конце предварительного плана. Перечитав внимательно написанное, остался доволен. После чего уложил листы бумаги в белую папку, лежащую здесь же, на столе. Поставил фотографию на прежнее место. Мимоходом отметил, что женщина, несмотря на крупные черты лица, весьма привлекательна, и вышел из кабинета.

Приемная была пуста: время визитов закончено, поэтому она выглядела несколько просторнее; у окна по-прежнему сидел майор Гольц и что-то писал. Увидев вошедшего приятеля, удивленно произнес:

– Так скоро, Вильфрид? У тебя еще два часа.

– Мне нечего добавить, – произнес гауптштурмфюрер.

– Хорошо, я сейчас доложу господину обергруппенфюреру, – сказал Гольц. Пружинисто поднявшись, он уверенно прошел в кабинет руководителя Главного управления имперской безопасности. Вышел через несколько минут, широко улыбаясь, произнес: – Господин обергруппенфюрер в хорошем настроении, а может, просто благоволит тебе. Заходи!

– Надеюсь, что это так, – ответил Штольце и решительно распахнул дверь.

Вошедшего Вильфрида встретил заинтересованный потяжелевший взгляд обергруппенфюрера. Вынув из уголка рта дымящуюся сигарету, он спросил:

– Значит, вы уже написали?

– Так точно, господин обергруппенфюрер, – шагнул вперед Вильфрид и положил на стол Кальтенбруннера тонкую белую папку с исписанными страницами.

– Вы могли бы не торопиться, у вас есть еще два часа, – Кальтенбруннер не спешил брать папку.

– Мне нечего добавить, я написал все, что считаю нужным.

Кальтенбруннер, откинувшись на спинку кресла, впился взглядом в исписанные страницы. Гауптштурмфюрер Штольце внимательно наблюдал за выражением лица начальника: тот выглядел спокойным, величественным, как древнеегипетский сфинкс. Вот он перевернул страницу, через минуту еще одну. В какой-то момент Вильфриду показалось, что обергруппенфюрер нахмурился – морщина на его лбу изогнулась в неправильную острую дугу, но уже в следующее мгновение лоб разгладился, осталась лишь тоненькая, едва различимая черточка.

Гауптштурмфюрер сдержал вздох облегчения. Перевернув очередной лист, Кальтенбруннер вновь углубился в чтение. В какой-то момент начальник Главного управления имперской безопасности глянул на Штольца, сидевшего в напряжении, как если бы хотел задать вопрос, но потом сделал карандашом небольшую пометку и принялся читать далее. Когда был перевернут последний лист, Эрнст Кальтенбруннер аккуратно положил карандаш на место. Грубоватое лицо, обезображенное чередой бескомпромиссных студенческих дуэлей, ничего не выражало.

– Вы уверены, что все вами написанное осуществимо?

– Так точно, господин обергруппенфюрер, – с готовностью отозвался Штольце. – Архив находится в глубине советской хорошо охраняемой территории, незамеченными можно подойти только таким образом.

– Ну что ж... Мне нравится ваш план. Вижу, что вы все продумали. Он даже лучше, чем это представлялось мне самому. В людях, которые будут с вами, вы тоже уверены? Ведь вас ожидает не прогулка по Александерплатц.

– Всецело! Каждому из них есть что терять. Уверен, что они будут слушаться меня беспрекословно.

– Я вижу, вы не без способностей. Все, что мне о вас говорили, правда. Только у меня есть одно небольшое дополнение: вы пишете о том, что на осуществление акции вам нужно семь дней, – он показал на отмеченный карандашом абзац.

– Все так, господин обергруппенфюрер, и это не считая предварительной подготовки, которую нужно провести с группой.

– Как долго вы планируете проводить подготовку?

– Каждый участник группы – с большим опытом. Не однажды бывали в русском тылу. Думаю, что нам будет достаточно десяти дней.

– Итого семнадцать дней?

– Получается, что так.

– Мне нравится ваш план, гауптштурмфюрер, он хорошо продуман даже в деталях. В каждой строчке чувствуется ваш солидный диверсионный опыт. Что мне не нравится, так это сроки! Сделаем вот что... Даю вам три дня на подготовку агентов и еще пять дней на осуществление акции. Всего восемь дней! Ситуация на фронте меняется каждый час, и нам нужно опередить русских.

– Сделаю все, что в моих силах, господин обергруппенфюрер. Но в этом случае мне нужен человек, который бы мне подробно рассказал об охраняемом объекте.

– У меня есть такой человек, – после некоторого колебания произнес Кальтенбруннер. – Он служит в штабе Девяносто первого стрелкового корпуса. Начиная со второго дня операции, он будет ждать вас в шесть часов вечера у разрушенной церкви поселка Яровичи.

Вытащив из кармана коробок спичек, Кальтенбруннер нарисовал на этикетке три восьмерки и положил его перед Штольце.

– Как я его узнаю?

– Одет он будет в форму офицера Красной армии. Высок, худощав, крепок. Он подойдет к вам и попросит закурить. Вы покажете ему вот этот спичечный коробок и скажете: «Дедовский самосад, если он вас устроит». Он должен ответить: «Мне все равно, главное, чтобы дымило хорошо».

– Он будет знать о нашем плане?

– Это ему не нужно. Мы не можем так рисковать. Расскажите ему все сами, когда встретитесь. Он объяснит, как лучше организовать нападение на архив. Узнаете от него другие важные детали: когда смена караула, сколько человек остается в здании в ночное время и прочее. При необходимости он сможет даже помочь людьми.

– Это хорошо.

– Значит, вы собираетесь перебираться через линию фронта под Несвижем?

– Да. Сейчас там бои, это лучшее время, чтобы пройти незамеченными и затеряться.

– В оперативном плане я прочитал, что вы хотите отправиться к капитану военной разведки Хольцу?

– Так точно! Шестьсот сорок первый моторизованный пехотный батальон. Он хорошо знает район и может нас перевести через линию фронта.

– Я бы посоветовал вам обратиться к майору Шрадеру. Он служит в третьей пехотной дивизии, седьмой противотанковый батальон. Правда, находится там недавно... Прежде служил в центральном отделе «Абвер-Заграница». Весьма ценный работник, он хорошо знает этот район, ему приходилось там бывать в тридцать девятом. Он поможет вам перейти границу.

– Я так и поступлю, господин обергруппенфюрер.

– Правда, в его биографии имеется одно небольшое «но»... Шрадер фанатично предан Канарису, и у меня на его счет имеются весьма нехорошие подозрения... Не исключено, что он завербован английской разведкой. После того как он вас проведет на другую сторону, устраните его!

– Слушаюсь, господин обергруппенфюрер, – не моргнув глазом ответил Штольце.

– Какой будет ваш псевдоним для радиосвязи?

– Заубер. Большинство удачных операций проходили под этим псевдонимом. В разведшколах меня тоже знали как гауптштурмфюрера Заубера.

– Хорошо, пусть так и будет, не будем ничего менять. И еще... Эта операция будет находиться непосредственно под контролем фюрера. И последний вопрос: вы, кажется, бывали на Тибете?

– Да. По личному распоряжению фюрера.

– Насколько мне известно, ваша экспедиция прошла очень успешно?

– Более чем... Мы сделали все, что от нас зависело. Артефакты были доставлены фюреру.

– Это очень хорошо, что вы интересуетесь эзотерикой. Надеюсь, что эти знания будут востребованы. Что ж, можете быть свободны.

Вильфрид Штольце бодро поднялся. При этом он почувствовал, что взвалил на свои плечи большую ответственность. Распрямился еще больше, чтобы обергруппенфюрер Кальтенбруннер не заметил на его плечах тяжесть, и твердым уверенным шагом вышел из кабинета. На выходе из здания ему вдруг показалось, что на углу он рассмотрел сухощавую долговязую фигуру полковника Эриха Коха. Но оборачиваться не стал: скверная примета, пусть все идет так, как предназначено.

* * *

Обергруппенфюрер открыл папку и вытащил копию записки, отправленной Шелленбергом рейхсминистру Гиммлеру. Еще раз внимательно перечитал.

Вальтер Шелленберг просил у Гиммлера, чтобы ему передали штаб «Валли». Допустить этого Кальтенбруннер не мог – в штабе «Валли» были собраны лучшие агенты «Абвер-Заграница», многих из которых он знал лично. Если дело зайдет далеко, придется напрямую обратиться за поддержкой к фюреру, но сначала следовало переговорить с самим Шелленбергом и подыскать подходящие слова, чтобы тот отказался от идеи расширить свое хозяйство за счет него и не пытался склонять на свою сторону рейхсминистра внутренних дел Генриха Гиммлера.

У обергруппенфюрера о Шелленберге давно сложилось собственное представление: весьма беспринципный малый, без всяких правил приличия, хотя в обаянии ему не откажешь. Умеет собеседнику заглядывать в глаза и говорит настолько искренне, что даже беспардонная ложь выглядит в его устах святой правдой. Умеет получать желаемое и для достижения цели идет на любую подлость. Все его действия глубоко просчитаны и выверены, он ничто не оставляет на волю случая, а такой лакомый кусочек, как штаб «Валли», тем более не пропустит мимо себя.

Не далее как вчера они повстречались в приемной Гиммлера, и Шелленберг с печальными интонациями произнес, что чувствует себя обманутым. Причем голос его был настолько проникновенным, что обергруппенфюрер едва удержался от желания утешить его добрым словом. В действительности Шелленберг был гениальнейший актер и большой манипулятор, и сыгранная роль была всего-навсего прелюдией к каким-то конкретным действиям. Его следовало опередить...

Неожиданно в комнату вошел побледневший адъютант и растерянно произнес:

– Господин обергруппенфюрер, только что сообщили: на фюрера в «Вольфшанце» было совершено покушение.

– Что? – невольно ахнул Кальтенбруннер. – Фюрер жив?!

– Да, жив. Ушибы и легкие ранения обеих ног.

– Как это случилось?

– Во время совещания под столом взорвалась бомба.

Вскочив с места, Кальтенбруннер заторопился к выходу:

– Я выезжаю в «Вольфшанце», немедленно!

Глава 5

Кто вы, господин Штольце?

Тимофей Романцев подошел к старомодному громоздкому шкафу с закругленными углами и взял с полки фотографию в светло-желтой изящной деревянной рамке, на которой он был запечатлен с Зоей. Ему хорошо запомнилось то время: шли тяжелые бои под Витебском, но перелом в войне уже ощущался. А еще установились солнечные дни, настроение было хорошее: оба молодые, счастливые оттого, что вместе, и еще они знали, что эти мгновения больше никогда не повторятся. Его переполняла любовь, Тимофей был уверен, что то же самое чувствует и Зоя.

Пережитое ощущение осталось в прошлом. Осталась лишь фотография годичной давности; за это время они сделались старше, а значит, помудрели. На войне люди взрослеют особенно быстро. Вернуться в прошлое невозможно, это не кинолента, которую можно остановить на полюбившемся кадре или прокрутить заново понравившийся эпизод.

Прошедший год заставил Романцева многое переосмыслить, немало испытать. Он изменился не только внутренне, но и внешне. Чего греха таить – прожитые дни добавили в его густую шевелюру целую прядь седых волос. Отношения с женой претерпели некоторые изменения; они не стали хуже, просто как-то устоялись. Ушла романтика, свойственная начальному этапу отношений. Но свежесть не потерялась, а с некоторых пор он стал чувствовать себя с Зоей одним целым. Где бы он ни находился, в каком бы окружении ни бывал, никуда он так сильно не стремился, как к любимой. Знал, что в ее объятиях всегда отыщет успокоение и восстановит силы.

Аккуратно поставив фотографию на место, Тимофей посмотрел на часы. Зоя должна была появиться через несколько минут. Из командировки он приехал вчера после обеда, но отметить его приезд еще не удалось. Радость встречи была замешана на горечи – накануне ей сообщили, что из их выпускного класса осталась в живых лишь половина мальчишек. Остальные, разбросанные по фронтам, полегли: кто безымянно, с коротким «пропал без вести», а кто удостоился похоронки с сухим канцелярским извещением. Многие из них успели повоевать не более получаса и успокоились навсегда, попав под артиллерийский огонь. Оставшиеся в живых грозились отомстить за погибших товарищей и дойти до Берлина.

Верилось, что так оно и будет.

В числе погибших оказалась любимица школы – отличница и красавица Варенька Ивашина, имевшая невероятно звонкий и сильный голос. До войны она хотела поступать в консерваторию, имела для этого все шансы, но по окончании школы раздумала: «Как же можно учиться пению, когда вокруг столько горя». Следующие полгода она пела по госпиталям, заставляя раненых хоть ненадолго позабыть о боли и думать о близких, которые их ждут дома. А потом ушла на фронт медсестрой, объявив об этом перед самым отъездом.

Родители получили от Вареньки два письма, в которых она, как могла, пыталась их утешить. Третьим письмом была похоронка.

Так что для семейного торжества было не самое подходящее время, решили перенести праздник на следующий день.

Длинной дребезжащей трелью расколол тишину телефонный звонок. Подняв трубку, Тимофей понял, что сейчас будут внесены серьезные коррективы на предстоящий вечер. Коротко представился:

– Капитан Романцев.

– Вот что, Тимофей, давай подъезжай ко мне! Думаю, тебе это будет полезно, – услышал он голос полковника Утехина.

Не дожидаясь ответа, полковник положил трубку, не сомневаясь в том, что его слова услышаны. Сняв с вешалки фуражку, Романцев хлопнул дверью и быстро спустился по ступенькам, втайне рассчитывая, что удастся разминуться с Зоей. Чего ему не хотелось, так это беречь душу разъяснениями.

Капитан сел в трофейный «Хорьх-108», доставшийся ему полтора года назад от штабного полковника Вермахта. Уверенно повернул ключ, крутанул плетеный руль и аккуратно тронулся со двора прямо навстречу сгустившимся сумеркам.

Улицы в этот час были пустынными – людям не до прогулок. Одна часть горожан трудилась на заводах, другая отдыхала после длительного трудового дня. Повсюду встречались военные – где небольшими группами, где поодиночке. Для многих столица являлась только перевалочным пунктом, чтобы после госпиталя или командировки двигаться дальше. Но, оказавшись в Москве, бойцы не упускали случая пройтись по улицам, заметно посеревшим за военные годы, но все таким же красивым. Покружат час-другой, посмотрят на помпезные дома, стоящие уже без маскировки, а там и в дорогу, чтобы дальше бить ненавистного фрица!

Многие из встречавшихся Тимофею военных были в полевых гимнастерках и пилотках, что говорило о том, что война не ушла далеко, пусть даже и не слышно сейчас грохота разрывов. Она только откатилась на запад, и впереди предстоят не менее жестокие сражения.

Комендантские патрули, проявляя такт, но при этом не забывая, что в ряды командированных бойцов может затесаться враг, требовательно выполняли свои обязанности, внимательно пролистывая солдатские книжки. Убедившись в подлинности документов, козыряли на прощание.

Тимофей Романцев выехал на улицу Дзержинского, заметил патруль, остановившийся на пересечении улиц и проводивший его долгим заинтересованным взглядом. Судя по спокойствию патрульных, его персона опасений у них не вызвала. Удивить могло лишь то, что серьезный автомобиль эксплуатировал младший офицер – весьма, с их точки зрения, несолидный чин.

Капитан Романцев прокатил мимо Главного управления контрразведки «СМЕРШ» и, сбавив скорость, повернул на Замоскворечье. Среди величавых зданий, служивших в прежние годы доходными заведениями, выделялось пятиэтажное строение из массивного камня в основании, облицованного крупной гранитной квадратной плиткой.

Фасад с широкими дубовыми дверями, выкрашенными в темный цвет, у входа ни таблички, ничего такого, что могло бы указывать на размещавшуюся внутри организацию. Именно здесь располагалось руководство Третьего управления.

Махнув перед охраной удостоверением, капитан скорым шагом вошел внутрь, прошел мимо барельефов, вытесанных из белоснежного мрамора. Мельком глянул на свое отражение в большом зеркале, стоявшем с правой стороны от лестницы, и, не сбавляя шага, поднялся по широким ступеням. Вошел в небольшую приемную Утехина, залитую ярким светом, и спросил секретаря, совсем молодого белобрысого лейтенанта лет двадцати:

– Полковник Утехин у себя?

– Да, входите. Он ждет вас.

Распахнув дверь, Тимофей вошел в кабинет, в котором кроме самого Утехина находились еще трое. Напротив Утехина, сидящего за столом, располагался сухощавый мужчина с костистым усталым лицом в немецкой полевой форме, обутый в добротные офицерские сапоги. Соседний с ним стул занимал переводчик отдела старший лейтенант Герасимов. Немного в стороне, уперев взгляд в спину немецкого офицера, с невозмутимым спокойным лицом стоял офицер охраны, предупредительно держа ладонь на расстегнутой кобуре.

– Товарищ полковник, разрешите?

– Проходи, вовремя подошел, – сказал Утехин, – давай, присаживайся. Тут у нас интересный разговор разворачивается. Думаю, тебе будет очень полезно услышать. Очень любопытная личность к нам в плен попала. Такой подарок не каждый день случается.

Тимофей сел у стены, где аккуратным рядом стояли свободные стулья.

– Ваше имя, звание и должность? – спросил Утехин у немецкого офицера.

Переводчик быстро перевел. Немец уверенно отвечал, глядя прямо в лицо полковника.

– Сказал, что мы должны обращаться к нему согласно Женевской конвенции о военнопленных от двадцать девятого года.

– Обращения, значит, хорошего захотел, а они к нашим военнопленным относятся хуже, чем к скоту... Переведи ему: если он начнет капризничать, будет немедленно расстрелян.

Старший лейтенант Герасимов уверенно перевел. Романцев с интересом наблюдал за реакцией военнопленного. Сглотнув, тот спросил:

– Versprechen Sie mir, dass ich am Leben bleibe?²

– Wenn Sie ehrlich zu mir sind³.

– Gut⁴... Diente in der vierzehnten motorisierten Infanteriedivision, Kommandant des dreiundvierzigsten Regiments. Ich heiße Erich Koch⁵.

– Предположим, что он и есть командир сорок третьего полка Эрих Кох. Но тут возникают вопросы. – Полковник Утехин открыл папку, вытащил из нее небольшую фотографию и положил ее перед немецким офицером. – Переведи, узнает он эту фотографию?

Старший лейтенант Герасимов энергично перевел, выговаривая каждое слово. Пленный полковник посмотрел на снимок. В какой-то момент его беспристрастное лицо дрогнуло, выразив сожаление, после чего вновь приняло равнодушное выражение. Едва кивнув, офицер заговорил, глядя на переводчика.

– Он сказал, что знает эту фотографию, она принадлежит ему.

– Все так, – согласился Утехин, – потому что эта фотография находилась в его полевой сумке... А теперь спроси у него, что это за человек на снимке, перед которым он стоит навывтяжку? И откуда такая любовь к этому снимку?

Выслушав перевод, пленный офицер едва улыбнулся и коротко ответил:

– Das ist Vizeadmiral Canaris⁶.

– Продолжим дальше. А знает ли он, какую должность совсем недавно занимал Канарис в Третьем рейхе?

Старший лейтенант перевел. Пленный немецкий полковник ухмыльнулся правым уголком рта и коротко ответил:

– Natürlich. Zuletzt leitete Vizeadmiral Canaris den militärischen Nachrichtendienst Abwehr und war sein unmittelbarer Vorgesetzter⁷.

Следовало отдать должное выдержке полковника: Утехин натолкнулся на холодный, ничего не выражающий взгляд. Оба были разведчиками, характеры настояны на одних и тех же дрожжах и замешены на одинаковой закваске. Понимали друг друга по паузам, по недоговоренным фразам. Скорее всего, это был даже не допрос, а интеллектуальный поединок – кто кого перехитрит.

Полковник Утехин поправил стопку бумаг, углами выпиравших во все стороны, и задал следующий вопрос:

² Вы мне гарантируете жизнь? (нем.)

³ Если вы будете с нами откровенны (нем.).

⁴ Хорошо (нем.).

⁵ Служил в сорок третьей моторизованной пехотной дивизии, командир сорок третьего полка. Меня зовут Эрих Кох (нем.).

⁶ Это вице-адмирал Канарис (нем.).

⁷ Разумеется. Совсем недавно вице-адмирал Канарис возглавлял военную разведку Абвер и был ее непосредственным начальником (нем.).

– Вы кадровый разведчик?

– Natürlich⁸.

– Почему вы попали на фронт? – спросил Утехин. – У Гитлера так плохо с резервом, что он стал отправлять на передовую даже профессиональных разведчиков?

В какой-то момент взгляд Утехина сделался колючим, в голосе прозвучала откровенная недоверчивость: а что, если это всего лишь какая-то хитроумная операция немецкой разведки, преследующая дальнюю цель?

Эрих Кох холодно выслушал перевод, затем заговорил тем же леденящим тоном.

– Он говорит, что ему еще повезло, – перевел Герасимов. – Другие его коллеги после смещения с должности вице-адмирала Канариса были арестованы за связи с английской разведкой. Полковник полагает, что их уже нет в живых.

– И что вы думаете обо всем этом?

Пожав плечами, полковник отвечал:

– Hier ist alles sehr klar. Kaltenbrunner und Shelenberg haben ihr Ziel erreicht. Gemeinsam zerstörten sie ihren Haupttrivalen. Und sein ganzes Erbe wird mit der Zustimmung des Führers geteilt⁹.

– Ваша должность и обязанности в Абвере?

На острых скулах полковника проступил легкий румянец – единственное свидетельство того, что разговор давался ему нелегко. Выслушав вопрос, он заговорил, осторожно взвешивая каждое слово:

– Ich war einer der Abgeordneten in der zweiten Abteilung der Abwehr. In meiner Aufgabe war ein Analyst, sowie die Umsetzung der Bindestriche zu überwachen. Ich musste auch an der Bildung von Sabotagegruppen für besonders wichtige Operationen teilnehmen¹⁰.

Со следующим вопросом полковник Утехин не торопился, это входило в тактику допроса. Он вообще был сторонником затяжных пауз: старался заставить допрашиваемого понервничать. Задавал вопросы, не относящиеся к теме, а когда арестованному казалось, что топтание вокруг опасного места завершено, вновь возвращался к главному вопросу.

Переиграть полковника Утехина было невозможно. В управлении он считался мастером допроса, но сейчас перед ним сидел такой же кадровый разведчик, прекрасно знавший стратегию допроса, возможно, уже затеявший с ним собственную игру. Если это не так... тогда как же объяснить его откровенность?

– А вы знаете, что здесь вас ожидает высшая мера? Вы уже не солдат, исполняющий приказ своего начальства, вы – яростный и непримиримый враг, которого следует уничтожить. Вы проводили на оккупированной территории политику террора, а это военное преступление. Вы не военнопленный, вы – военный преступник.

Ловушка захлопнулась. Игра в откровенность закончилась. Похоже, Кох даже сам не понял, как загнал себя в угол. Психологическое воздействие состоялось.

Некоторое время полковник Кох молчал, справляясь с эмоциональной встряской, затем не без труда разлепил плотно сжатые губы:

– Sie haben mir das Leben versprochen¹¹.

– Die Situation hat sich geändert¹².

⁸ Конечно (нем.).

⁹ Тут все предельно ясно. Кальтенбруннер и Шелленберг добились своего. Совместными усилиями они уничтожили своего главного соперника. А все его наследство поделили между собой с одобрения фюрера (нем.).

¹⁰ Я был одним из заместителей во втором отделе Абвера. В мою задачу входила аналитика, а также контроль за осуществлением диверсий. Также мне приходилось принимать участие в формировании диверсионных групп для особо важных операций (нем.).

¹¹ Вы обещали мне жизнь (нем.).

¹² Ситуация изменилась (нем.).

– Mir ist es egal, macht mit mir, was Sie wollen. Ich habe immer Deutschland gedient, nicht der Führer. Hitler führt das Land in eine Katastrophe¹³.

– Понятно, – выслушав перевод, невесело протянул Утехин. – На Восточный фронт вас перевел Кальтенбруннер?

При упоминании о Кальтенбруннере полковник Кох слегка поморщился и отвечал с некоторой безразличностью, не укрывшейся от Утехина.

– Ja, es ist er. Vizeadmiral Canaris nannte ihn einen Affen mit langen Armen. Ohne den Schutz des Führers wäre er nicht in der Lage gewesen, solche Höhen zu erreichen¹⁴.

Профессионал в нем был растоптан. Перед ним сидел обыкновенный слабеющий человек в грязной полевой офицерской форме, раздавленный и униженный, жаждущий мести, испытывавший горечь разочарования и тяжесть унижения. Мундирное сукно заметно обветшало, перепачкалось; темно-зеленый воротник – в крупных багровых пятнах, там, где были погонные и петличные знаки по роду войск, теперь виднелись небольшие дырочки с неопрятно свисавшей бахромой. Алюминиевые пуговицы поблекли, затерлись и едва держались на тонких черных нитках. От прежнего полковника осталась только прямая спина.

В тщательно построенной «обороне» полковника Коха образовалась значительная «брешь». Утехин непременно ее использует. Следует сыграть на ненависти и возможности хоть как-то отомстить своим противникам, пусть даже руками своих врагов.

Полковник Утехин продолжал:

– Кальтенбруннер в последнее время готовил какие-то серьезные диверсии против Советского Союза? Только не нужно отпираться и делать вид, что вы ничего не знаете. Вы не последний человек в управлении и должны были об этом слышать.

Взгляды присутствующих были устремлены на полковника. Перешагнув черту, отделявшую предательство от долга, он относился к своей судьбе равнодушно. Единственное, что в нем еще подпитывало остаток сил, была месть. Кто-то же должен ответить за унижения, что выпали на его долю в последние месяцы.

Под скулой у полковника Коха просматривался багровый широкий рубец, наспех заштопанный, криво уходящий под поднятый воротник. Не иначе как осколочное ранение – просто чудо, что раскаленный кусочек металла не распорол ему горло.

Служба на Восточном фронте не прошла для него бесследно. За это время он многое успел передумать. Обстреливаемые минометами траншеи – это не парадные марши на Александерплац.

В бледно-голубых глазах Коха блеснула решимость – ему было что сказать.

– Kürzlich in der Abwehr, für mich lief nicht alles gut... Ich wurde aus den Fällen entfernt. Ich habe keine wichtigen Entscheidungen getroffen. Vor kurzem gehört gehört, über die Operation von Friedrich. Aber was es ist, weiß ich nicht. Aber ich kann über eine Gruppe ziemlich genau sagen. Es wird von Hauptsturmführer Stolze angeführt¹⁵.

– С чего вы так решили? – спросил полковник Утехин, в упор посмотрев на Коха.

Говорил тот быстро, старший лейтенант едва успевал переводить:

– Когда я уже садился в поезд, то вспомнил, что позабыл в кабинете на столе семейную фотографию. Оставлять ее в управлении я не пожелал: то, что для меня дорого, для других всего лишь клочок бумаги. Ее просто швырнут в мусорную корзину. Чтобы этого не произо-

¹³ Мне все равно, делайте со мной что хотите. Я всегда служил Германии, а не фюреру. Гитлер ведет страну к катастрофе (нем.).

¹⁴ Да, это он. Вице-адмирал Канарис называл его «обезьяной с длинными руками». Если бы не покровительство фюрера, ему вряд ли удалось бы достичь таких высот (нем.).

¹⁵ В последнее время в Абвере для меня не все складывалось удачно... Меня отстранили от дел. Ключевых решений я уже не принимал. Недавно услышал об «операции Фридрих». Но в чем она заключается, я не знаю. Но об одной группе могу сказать совершенно точно: ее должен возглавить гауптштурмфюрер Штольце (нем.).

шло, я сошел с поезда, вернулся в управление и забрал снимок... Когда я подходил к Главному управлению имперской безопасности, то увидел удалявшегося от здания гауптштурмфюрера Штольце.

Полковник Утехин внимательно выслушал перевод, после чего сдержанно заметил:

– Вы многим рисковали, когда решили вернуться обратно. Вы ведь должны были находиться со своей частью, не так ли?

Старший лейтенант перевел:

– Да, это так. Мне пришлось догонять свою часть. Но моего отсутствия никто не заметил... Хотя, думаю, если бы состоялся трибунал, то меня все равно отправили бы на Восточный фронт. Куда-нибудь в штрафную роту... Хотя, если разобраться, сейчас весь Восточный фронт – штрафное подразделение.

– И где же эта фотография? При вас ее не было.

– В блиндаж, в котором я проживал, попал снаряд, вместе с фотографией были уничтожены все мои личные вещи. Мне повезло, я вышел из блиндажа за несколько минут до попадания.

– Что за человек этот гауптштурмфюрер Штольце?

– Он – лучший в своем деле, – продолжал переводчик, стараясь сохранить интонации Коха. – Во всяком случае, более инициативного, дерзкого и везучего человека я не встречал за все годы службы.

– При каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

– Когда-то именно я готовил его к военной экспедиции в Югославию в апреле сорок первого, отобрав среди многих претендентов. И я не ошибся: там он сумел проявить себя наилучшим образом. А еще он один из любимчиков Кальтенбруннера, обергруппенфюрер поручает ему самые ответственные и самые рискованные задания. Уверен, что и в этот раз задумано нечто особенное.

– Куда именно он мог направиться?

– На Восточный фронт. Но куда именно, мне неизвестно.

Старший лейтенант Герасимов перевел слова полковника Коха и в ожидании посмотрел на Утехина. Беседа получалась вязкой, не такой, как планировалось поначалу. Создавалось впечатление, что пленный чего-то недоговаривает. Его следовало как-то разговорить, сыграть на доверительности. Прием простой, но срабатывает всегда.

– Подумайте, полковник... Вы ведь давно работаете в аналитическом отделе. Если я не ошибаюсь, именно ваш отдел принимал участие в операции «Наказание». А под некоторыми наиболее важными документами стоит ваша подпись, – спокойно заметил полковник Утехин. – Мы подготовились к нашему разговору.

Прежде чем оккупировать Югославию в апреле сорок первого года, в один из районов Белграда Абвер высадил диверсионную группу, которая должна была поддерживать удар немцев, следующих из Южной Австрии. От действий диверсантов погибло много гражданского населения. Разработка оперативного плана находилась в ответственности 2-го отдела, а отвечал за него лично полковник Эрих Кох.

Тонкие губы Коха тронула легкая усмешка.

– А вы, я вижу, хорошо осведомлены.

Выслушав перевод, Утехин невольно хмыкнул:

– Переведи ему вот что... пусть не забывает, куда он попал. Наводить о нем справки мы начали еще задолго до того, как у нас оказалась его фотография с Канарисом. Так что нам многое известно из его личной жизни.

Пленный офицер скупно улыбнулся и произнес короткую фразу.

– Он сказал, что в отделе работает не он один. Людей там много.

– Все так, но мои источники утверждают, что вас весьма ценит руководство за аналитические способности, – возразил полковник Утехин. – Нам известно, что в августе сорокового вы вместе со штабной ротой «Бранденбург-800» выезжали в Бельгию, где готовили операцию по вторжению в Англию. Мы можем передать вас английской разведке, она наверняка захочет выяснить все подробности. Не уверен, что вам удастся выбраться от них живым... Мы же, в свою очередь, даем вам шанс уцелеть.

Полковник Кох терпеливо хранил молчание, тщательно обдумывал решение. Торопить Утехин не хотел – пусть все взвесит. Поднявшись, он подошел к окну, распахнул форточку, впуслав в комнату звуки улицы: гудки автомобилей, приглушенные расстоянием; чей-то громкий разговор едва ли не под самыми окнами. Городская жизнь протекала обыкновенно, как если бы не было войны. И только суровый окрик патруля, несшего дежурство поблизости, заставил вернуться к действительности.

Полковник Утехин выпустил наружу упругую струю табачного дыма и захлопнул форточку. Реальность возвращалась, раздаваясь шагами в гулком коридоре старинного особняка. Полковник Утехин вернулся за стол, воткнул недокуренную папиросу в пепельницу и выжидающе посмотрел на пленного немецкого разведчика.

– Мне очень не хочется, чтобы своим молчанием вы осложнили себе жизнь. Итак, я вас слушаю!

Полковник Кох вдруг быстро и сбивчиво стал говорить. Старший лейтенант Герасимов не перебивал, лишь одобрительно качал головой, а когда немец наконец умолк, перевел:

– Он согласен идти на сотрудничество. По его предположению, группа Штольце должна направиться куда-то в белорусском направлении, именно там сейчас идут основные бои. Аналитический отдел прогнозирует, что боевые действия будут развиваться там и дальше, принимая острую форму. Очевидно, перед Штольце поставлена какая-то серьезная задача. Но какая именно, сказать сложно.

– Каков уровень подготовки группы? Насколько это может быть серьезно?

Старший лейтенант Герасимов тотчас перевел и, дождавшись ответа, посмотрел на Утехина:

– Он сказал, что во многом группа Штольце помогла выиграть войну в Югославии. Таким же удачным образом она проявила себя и в Польше... Гауптштурмфюрер Штольце всегда работает в ключевых местах, которые позволяют решить исход войсковой операции. Он не исключил, что группу Штольце направят в Белоруссию, чтобы каким-то образом повлиять на стремительное продвижение русских войск, а может быть, даже на исход сражения.

– Ого, куда хватил! – невольно ахнул полковник Утехин. – А не высоко ли он берет? А для чего тогда армия и командующие фронтами? Переведи ему это.

Повернувшись к полковнику Коху, старший лейтенант перевел.

Губы пленного тронула снисходительная улыбка. Он откинулся на спинку стула, дисциплинированно положил широкие ладони на колени и принялся выговаривать каждое слово. Герасимов перевел:

– Он сказал, что сражения не всегда выигрывают армии и их командующие. Важно знать правдивую информацию о расположении войск, о направлении главного удара, именно в этом случае можно провести свою контригду. Не исключено, что группу гауптштурмфюрера Штольце направили для получения достоверной информации о направлении главного удара русских. В последнее время Гитлер не доверял Абверу, слишком много за ними числится промахов. Где он будет добывать эту информацию, сказать сложно. У него слишком высокая квалификация, он может организовать нападение на штаб и захватить документы. А может организовать нападение на командующего и захватить документы предстоящего наступления. Вариантов здесь может быть множество.

– Уведите его, – распорядился Утехин.

Полковник Кох расслабленно улыбнулся, давая понять, что холодные стены и сумрак казематов ему будут куда милее, чем залитый светом кабинет полковника, и, сложив руки за спиной, вышел. Следом за ним, держась на некотором расстоянии, двинулся караульный.

– Твое мнение? – спросил Утехин у Тимофея, когда они остались вдвоем.

– Готовится что-то серьезное, просто так этого Штольце не отправили бы. Матерая сволочь!

– Все так, большая удача, что у нас в руках оказался этот Кох.

– А как он попал в плен?

– Полк, которым он командовал, попал в окружение. Им было предложено сдаться, однако они попытались прорваться через двойное кольцо. В первый же час полегло восемьдесят процентов личного состава. Коху повезло, он остался в живых... Наши разговоры с ним не закончились, они только в самом начале. Понятно, что он знает больше, чем говорит. Через него прошло немало агентов, и многие из них сейчас скрываются у нас в тылу. Мы должны их всех нейтрализовать. Но сейчас наша главная задача – выловить этого Штольце с его командой. С женой встретился?

– Да.

– Что-то ты какой-то невеселый. У вас там разлада нет? А то знаешь, как в семейной жизни бывает...

– Все в порядке, товарищ полковник, – бодро отвечал Тимофей. – Наговориться уже успели.

– Это хорошо, что успели, – охотно согласился Утехин. – Не буду ходить вокруг да около, говорю откровенно: хочу, чтобы ты выехал на место, куда предположительно должен прибыть Штольце со своей командой. Этот гауптштурмфюрер нам очень интересен. У нас есть о нем кое-какая информация, и она всецело совпадает с тем, что рассказал нам Кох. Штольце успел побывать во многих местах, отметился в составе отдела «Бранденбург-800» карательными экспедициями под Курском и Харьковом. При отступлении они проводили карательные рейды в населенных пунктах. Так что если это тот самый гауптштурмфюрер Штольце, то у нас к нему особый счет. Мне бы хотелось, чтобы его поисками занялся ты. Не хочу умалять чьи-то достоинства, но с этой задачей ты справишься лучше, чем кто-либо.

– Когда мне выезжать? – с готовностью спросил капитан Романцев.

– Уже завтра. Побудь еще с женой, найди подходящие слова для расставания. А там и в путь!

– Куда именно выезжать, есть ли конкретное место?

– Наиболее сложная обстановка сейчас в юго-западном направлении от Минска. Немцев из города мы выбили, значительная часть угодила в окружение, но западнее города идут бои, просто так они уходить не хотят. Думаю, Штольце следует искать где-то в этом районе. В такое время на дорогах бывает очень много случайных людей: беженцев, прибывающих, отъезжающих, резервные части. Конечно, военный учет там строгий, просто так не пройдешь, всюду проверки, но затесаться небольшой группой, при наличии хороших документов, вполне реально. А этот Штольце, судя по всему, хитрый лис и вряд ли захочет рисковать. А еще в таких местах легче добыть оперативную информацию. Ты будешь работать на передовой, опирайся на данные зафронтальной разведки. Предписание и командировочное удостоверение получишь завтра. Если потребуются какие-то дополнительные полномочия, дашь мне знать, вопрос решим немедленно. Поедешь пока в шестьдесят девятую армию под командованием генерал-лейтенанта Колпакчи, а там будет видно. Мимо тебя не должен пройти ни один перебежчик, ни один задержанный диверсант, с каждым из них ты должен побеседовать. Возможно, кто-нибудь из них знает о Штольце и даст нам зацепку.

– Вас понял, товарищ полковник! – бодро ответил капитан Романцев.

– И еще, майор Кох говорил об операции «Фридрих». В чем она заключается, мы не знаем. Будешь на месте, постарайся выяснить. А теперь – до завтра! – Утехин протянул капитану жесткую ладонь.

Глава 6

Майор военной разведки

Весь следующий день, разложив перед собой фотографии, гауптштурмфюрер Штольце подбирал людей в диверсионную группу. Поразмыслив, решил, что для предстоящего дела достаточно пятерых: он сам как командир отряда, радист и трое диверсантов. Группа будет мобильная, небольшая, но вполне подходящая для осуществления поставленной цели.

После долгого раздумья отложил в сторонку четыре фотографии. Каждого из отобранных диверсантов он знал лично и не единожды проверил в деле, осуществив с ними несколько удачных спецопераций.

С радистом Ганцем Замбером работал вместе в сорок первом во время наступления на Северный Кавказ. В составе группы из тридцати человек они были выброшены в районе Минеральных Вод, где удалось взорвать стратегически важный мост. С рядовыми Рыжковым, Курбановым и Феоктистовым познакомился сразу после операции на Северном Кавказе, когда был направлен инструктором в учебный батальон, располагавшийся в живописном местечке Мезерица.

Батальон был смешанный, он состоял из военнослужащих советской, американской и английской армий. Значительный процент составляли белоэмигранты, в своем большинстве люто ненавидящие Советскую власть. Каждый из них после победы Германии мечтал вернуть себе отнятые большевиками имения и доходные дома. Поэтому мотивация для борьбы с коммунистами у них была исключительной! По существу, они составляли костяк школы, состоящей из двадцати рот.

Несколько особняком держались фольксдойче, в основном это были прибалтийские немцы, имеющие к русским персональный счет. Встречались и поволжские. У фольксдойче было преимущество перед остальными курсантами: все они были двуязычные, великолепно владели немецким, бывшим для них родным, а также русским. Во время учебы отличались особой старательностью и педантичностью, столь свойственной немецкой нации.

Большая часть из них являлись потомками переселенцев, приехавших в имперскую Россию при Екатерине Великой. За прошедшие сто пятьдесят лет они изрядно обрусели, мало чем отличались от русского населения, казалось, что уже накрепко вросли в российскую землю, позабыв дедовские традиции. Но когда в них возникла потребность, вновь вспомнили свое предназначение – быть единым целым со своим, немецким, народом.

Рыжков, Курбанов и Феоктистов в плен попали под Псковом. Месяц пробыли в лагере для военнопленных, откуда были переведены в сборный лагерь под Бухенвальдом. Уже на месте их отобрали для агентуры в диверсионно-разведывательной школе. Руководство школы признало троицу лучшими в своем наборе и после окончания учебы отправило ее в отдел разведки при штабе Шестнадцатой немецкой армии. Разведывательной деятельностью диверсанты занимались в основном в ближайшем тылу Красной армии. Задания были не из простых – установить, в каком направлении передвигаются танковые бригады, выяснить расположение штабов, собрать сведения о складах с боеприпасами и продовольствием.

С заданиями справились блестяще. Не лишённые артистизма, обеспеченные справками от сельсоветов, они каким-то чудом проникали в самые засекреченные места и на режимные объекты, где неизменно добывали ценнейшую информацию. Их природные расторопность и изворотливость не могли остаться незамеченными руководством отдела «Бранденбург-800», и вскоре троицу, как особо отличившихся агентов, перевели в учебный батальон, а дальше после курса обучения они были распределены в Восемьсот первый полк, где командиром роты был гауптштурмфюрер Штольце.

По правилам спецопераций перед каждым выходом происходила детальная отработка задания. Поставленную задачу изучали до малейших деталей: если требовалось штурмовать здание, то на базе учебного центра выстраивалось похожее сооружение; если предстояло переходить вброд быструю и глубокую реку, то бойцы выезжали на подходящую местность, где отрабатывали соответствующие навыки. Однажды было получено задание пройти через болото и уничтожить вражеский гарнизон. Для этого группа отправилась на топь и терпеливо училась отыскивать подходящие тропинки.

Дальнейшая служба в батальоне доказала, что Штольце не ошибся в выборе агентуры. В первые месяцы обучения с троицей крепко поработали агитаторы, выбив из сознания перебежчиков все большевистские догмы. Теперь, вне всякого сомнения, можно было утверждать, что эти люди преданы идеям национал-социализма. Они были смелыми, дерзкими, проявляли находчивость, выпутывались из ситуаций, казавшихся совершенно безнадежными.

Однажды в одной из командировок Феоктистов был задержан комендантским патрулем и, не вынимая рук из карманов, застрелил трех человек в течение двух секунд. А когда, слышав выстрелы, к ним поспешили на выручку несколько бойцов, застрелил еще двоих. Отмечалось, что каждый из них мгновенно ориентировался в сложной обстановке, принимая при этом единственно правильное решение. Каждый имел значительный диверсионный опыт, отметившись в двух десятках мест.

Особенно серьезно они поработали весь последний год: летом сорок третьего группа была заброшена под Витебск, где успешно действовала против партизанских соединений; затем были карательные экспедиции под Оршей и в районе Орла, в Югославии против сербских партизан.

Весь следующий день Штольце провел с группой, объясняя, что предстоит взорвать в глубокую тылу хорошо охраняемый мост. Совместно изучали маршрут перехода линии фронта, пути возможного отхода, места контрольных встреч. Мелочей в таких делах не существовало. Особое внимание было уделено местности, через которую приходилось пройти. Изучали как на топографической карте, так и аэродинамическую съемку. Заучивали все, что могло бы пригодиться: название сел, деревень, расположение улиц, через которые предстояло пройти; помечали строения, в которых возможно укрыться от преследования; запоминали адреса связников, у которых можно получить помощь.

В конце вторых суток Штольце провел небольшой экзамен, а когда убедился, что предоставленные им данные усвоены, объявил:

– Выезжаем сегодня ночью. Могу сказать одно: задание нам дали серьезное. Я отобрал вас из многих, так что вы должны гордиться выпавшей вам честью. На ту сторону нас переведут. А дальше нам предстоит топтать самим. Вопросы есть?

– Как долго продлится командировка? – спросил Феоктистов.

– Она рассчитана на десять дней. Но не исключая, что нам придется еще немного задержаться. А теперь – отдыхать!

* * *

Седьмой противотанковый батальон Третьей пехотной дивизии располагался в Полесье, близ небольшого города Несвиж. Остаток ночи ехали в автомобиле, который трясло и бросало на дорогах, так что вздремнуть не получилось. Большая часть дороги шла через лес – тьма стояла кромешная, оставалось только удивляться зоркости водителя, не терявшего колею. В расположение батальона приехали под утро.

Раздевшись по пояс, ополоснулись в роднике, стряхнув холодной водой накопившуюся усталость. После водных процедур гауптштурмфюрер облачился в форму немецкого пехотного лейтенанта, а радист Ганц Замбер – в форму рядового. Русские диверсанты надели обмунди-

рование Красной армии. Рыжкову по заданию достались погоны капитана, Феокистов стал сержантом, а Курбанов – рядовым.

Выяснив у дежурного, где находится блиндаж майора фронтовой разведки Шрадера, потопали через окопы.

Оборонительная полоса была сложной, состояла из узлов обороны, опорных пунктов и укрепленных позиций. Внутри рубежей размещались две хорошо укрепленные высоты, с вершин которых просматривались позиции русских. Передний край изрезан двумя глубокими протяженными оврагами. Опорные пункты помещались в башнях танка, хорошо замаскированных, выдвинутых немного вперед, с возможностью организации широкого наблюдения. Именно здесь были сосредоточены основные узлы обороны. Первая траншея находилась на самом боевом гребне, вторая – отступала метров на двести. Тут же располагался блиндаж майора Шрадера.

Им оказался сухощавый человек с сумеречным и глубоким взглядом. Выслушав доклад Штольце, Шрадер предложил гостям присесть на срубленные колоды, служившие табуретками. Сам же расположился на настоящем венском стуле – для передовой это была настоящая роскошь, которую может позволить себе не всякий старший офицер. Наверняка этот венский стул имел занятную историю, ведь прежде чем попасть в офицерский блиндаж, ему пришлось преодолеть половину Европы. Наверняка майору Шрадеру мебель напоминала родную Австрию, город Баден, откуда он был родом.

Удобно положив руки на подлокотники, он с любопытством поглядывал на вошедших.

– Мне сообщили из штаба армии о вашем прибытии и просили вас лично проводить... Сделаю все, что в моих силах. Но хочу предупредить: ситуация на передовой непростая. Вот если бы вы пришли хотя бы на один день пораньше... тогда другое дело, было небольшое затишье. Сейчас могут возникнуть некоторые трудности с переходом. Русские простреливают все поле. – Будто бы в подтверждение его слов заработал где-то поблизости шестиствольный миномет. Вязко и тяжело в кровлю ударила россыпь осколков. – Может, вам немного переждать? – предложил майор. – Уверен, через день-другой будет поспокойнее. В дивизии для вас найдется подходящий блиндаж. Где-нибудь на втором оборонительном рубеже. Это в четырех километрах от этого места. Уверяю вас, вы не соскучитесь, – ободряюще продолжал майор, – в борделях у нас весьма достойные девушки. Могу предложить вам туда талончик в качестве поощрения, – расстегнув нагрудный карман, он выудил из него несколько талончиков розового цвета. – Вы не прогадаете. Если бы вы знали, какие там чувствительные латышки! – со сдержанным восторгом протянул Шрадер.

– В другой раз мы непременно воспользуемся вашим предложением, господин майор, – отвечал Штольце. – Увы, торопят дела... Сейчас нам бы хотелось посмотреть местность, через которую нам предстоит проходить.

– Что ж, было бы предложено, – с некоторым разочарованием протянул майор. – Пойдемте!

Пружинисто поднявшись, заставив стул слегка скрипнуть, он вышел из блиндажа и, пригнувшись, зашагал по неглубокому окопчику в сторону разросшихся кустов, за которыми виднелась трясина, уходившая в глубину русских рубежей. Солдаты, укрывшись за бревенчатый бруствер и тяжело дыша, углубляли траншеи. Едва взглянув на подходившего офицера, они вновь взялись за прерванную работу. В воздухе висело напряжение, какое бывает только перед грозой. Все понимали: что-то должно произойти.

В воздух с громким свистом взлетели четыре мины с красными длинными хвостами, как у кометы, особенно отчетливо заметные в полуночном небе, по плавной кривой пролетели над первым рубежом русских и углубились куда-то в их оборону. На какое-то время зависли над укреплениями, как бы выбирая подходящую цель, а потом громко разорвались, шумно сыпа-

нув осколками. Ударная волна тронула лица, заставив отпрянуть на шаг. В стороне резервного полка испуганно заржала лошадь.

– Сейчас русские ударят, – констатировал майор, приподнимаясь. – Вот так и живем. Не особенно шумим, но и расслабляться друг другу не даем.

Майор Шрадер оказался прав: не прошло и трех минут, как в небо высоко взлетела ракета, вспыхнув настолько ярко, что стало больно глазам. Медленно поплыла через черное небо, стараясь осветить каждый холмик, каждый пригорок, каждое отдельно стоящее деревце, каждую травинку.

– Ложись! – громко крикнул майор и, закрыв руками голову, упал на дно окопа.

Где-то на втором рубеже обороны разорвался снаряд, высоко взметнув землю и расшвыряв тяжелые бревна. За ним бабахнул еще один, затем еще. Земля под ногами вздрогнула, будто живая, барабанные перепонки болезненно отреагировали на разрыв. Через мгновение вспыхнула еще одна ракета, такая же яркая. С нарастающим свистом в небо взмыли мины, прочерчивая по посмурневшему небу огненные дуги. Осколки густо рассыпались где-то справа, в чахлом редком леске на болоте, потревожив замшелую поверхность трясины.

Из передовых окопов, разрезая ночь, полетели трассирующие пули. Они сталкивались в воздухе, разбивались многими искрами, фейерверком разлетались, отскакивая от бронированной поверхности, зарывались в землю.

Гауптштурмфюрер Штольце, не поднимая головы, краешком глаза наблюдал за тем, как догорает ослепительно-яркая ракета. Мигнув, она вдруг разом потускнела, превратившись в желтую точку, а потом совсем растворилась во тьме, погрузив передовые позиции в беспросветную черноту.

Неожиданно установилась тишина. На фронте так бывает: как если бы стороны вдруг договорились о прекращении огня. Звучали лишь отдельные выстрелы со стороны позиций соседнего полка.

Майор Шрадер открыл бронированную дверь наблюдательного пункта и спустился по ступенькам внутрь. Прежде это была башня «Пантеры». Месяц назад, когда танк подбили, разрушив кормовую часть вместе с двигателем, нижний корпус пришлось снять. Танку решили дать новую жизнь – обычное дело на войне: башню переоборудовали, срезали основание и уже без ствола поместили в специально заготовленную яму, в которой была устроена площадка для наблюдателей и сооружены нары для отдыха. Сверху на крышу башни был насыпан толстой слой земли, для маскировки посажены кустарники. Уничтожить этот укрепленный наблюдательный пункт было непросто.

Майор подошел к стереотрубе, вмонтированной в проем пушки, и стал внимательно наблюдать за позициями противника. Трудно было понять, что можно разглядеть в такой темноте, но он неожиданно сообщил:

– На той стороне речки русские... Вижу на их позициях непонятное оживление. Приволокли полковую пушку. Справа установили пулемет. Хорошая позиция, сразу фланг простреливается. Нужно ее уничтожить. Определенно русские к чему-то готовятся... Так, теперь по нашему делу... Переходим вброд речку, она здесь неглубокая, а потом топаем по краешку болотца, оно дает большой изгиб. А вот дальше будет овраг, который ведет прямо на русские позиции. Пройдете по нему километра два и можете подниматься наверх. Когда вы думаете отправиться?

– Прямо сейчас, – ответил гауптштурмфюрер Штольце.

– Похвальное рвение, но на вас обоих немецкая форма. Извините за глупый вопрос: она вам не мешает передвигаться по советской территории?

Гауптштурмфюрер Штольце сдержанно улыбнулся:

– Господин майор, вы смотрите в самую суть. Надеюсь, что эта форма нам даже поможет. Мы действуем согласно разработанному плану.

– Уверен, что вы все продумали. Мне известно, господин гауптштурмфюрер, что вы – блестящий профессионал! Можно задать вам личный вопрос, не связанный с предстоящим заданием?

– Пожалуйста, господин майор, – отвечал Штольце.

– Вы встречались с господином Кальтенбруннером?

Неожиданный вопрос. Гауптштурмфюрер Штольце старался не показать своего удивления. Профессионалы подобных вопросов не задают, майору это должно быть известно.

– Да. Он мне дал кое-какие советы по предстоящему заданию.

– Он случайно не сказал, почему я здесь?

– Ни единым словом.

– Уверен, что в группе управления, где я прослужил немало лет, я принес бы Германии куда больше пользы, чем на передовой. Мне посчастливилось участвовать в разработке самых сложных операций по захвату Польши и Франции. Неужели Германия не нуждается в моем опыте?

– Мне ничего об этом не известно. Но советую вам не отчаиваться. Уверен, что на ваш счет у господина Кальтенбруннера есть свои планы.

– Очень бы хотелось в это верить – глухо произнес Шрадер. – Пойдемте... Я вас выведу с позиций прямо на дорогу. Местность мне знакома, мне уже приходилось проводить на ту сторону агентов. – И, посмотрев на часы, добавил: – Через три минуты соседний полк начнет артиллерийскую атаку. Ближайшие полтора часа русским будет не до нас.

Ровно через три минуты сразу с нескольких точек были пущены ракеты. Зависнув над позициями русских, они ярко осветили каждый бугорок. По свежевскопанной земле, сразу за полоской реки, угадывалась первая линия обороны, просматривались контуры хорошо замаскированных запасных позиций. Во второй траншее, приметной по высоким брустверам, виднелось стрелковое вооружение, а за ней, между третьей и четвертой линиями окопов, отстоящих друг от друга метров на триста, спрятанные за кустами и деревьями, стояли артиллерийские орудия и минометы.

Все как на ладони!

Майор Шрадер оказался прав: война шла где-то по соседству. Там с грохотом разрывались снаряды рассерженных зениток; остервенело стучали в ответ тяжелые пулеметы; глухо разрывались мины.

Повернувшись к Штольце, майор сказал:

– Скоро примутся и за нас, нужно успеть!

– Сколько у нас времени?

– Минут пятнадцать... Сейчас мы идем вдоль той сопки, – показал он на небольшую высотку, укрепленную долговременной огневой точкой. Глубоко вклинившись в передовые рубежи, она позволяла успешно контролировать фланги. До русских окопов с этой высотки было метров триста пятьдесят. – Потом сворачиваем к реке, – он показал на извилистую мерцающую темную полоску воды, поросшую по обе стороны высокой густой травой. – Перейдем ее вброд – и к болотцу. А потом вдоль ручья к лесу. У русских это второй рубеж обороны. Он будет в четырех километрах от первой линии. Это уже глубокий тыл! С вашими документами контрразведка особенно цепляться не станет. Во многих местах там расставлены мины, нужно быть предельно аккуратными. Я вас выведу за позиции, а дальше вам нужно будет идти самим по дну оврага. Как выйдете из него, впереди будет небольшое озеро. Вот оно нам и нужно. Можете привязаться на местности и топтать дальше.

Пригнувшись, он зашагал по неглубокой узкой траншее. Над головой зло вжикнула пуля, заставив пригнуться. Рванула мина и с громким свистом рассыпалась где-то между первой и второй траншеями. Осколки ритмично застучали по покореженной технике, стоявшей на возвышенности.

Убедившись, что все живы, Шрадер заторопился дальше по позициям стрелковой роты, мимо автоматчиков, укрывшихся за бруствером, внимательно и цепко посматривающих за русскими позициями.

Они прошмыгнули мимо усиленных огневых точек, способных выдержать удары мин и мелких осколков; прошли по ходам сообщений, связывающим между собой подразделения, мимо ячеек и разного вида удобных площадок, откуда можно вести прицельный огонь, мимо укрытий и блиндажей. Наконец спустились к низине, в которой протекала узенькая речка. Без особых хлопот преодолели водную преграду, к которой примыкала вязкая болотина.

– Почти пришли, – объявил Шрадер. – Дальше – вдоль ручья. Это уже русские рубежи.

– Почему русские не контролируют эту территорию?

– А кто вам сказал, что они ее не контролируют? Здесь есть русский пост, но он немного правее. Охранять территорию здесь легче – сплошные болота. Тропы заминированы, особенно не сунешься. Вот только русские не знают, что с одной дорожки мины мы уже сняли. Надеюсь, что вам будет сопутствовать удача. Мне не сообщили, когда вас следует встречать после выполнения задания.

Всего-то небольшая заминка, после которой гауптштурмфюрер улыбнулся и слегка натянутым голосом отвечал:

– Мы будем возвращаться другим коридором. Да, чуть не забыл, господин Кальтенбруннер велел передать вам вот это. – Штольце сунул руку в карман. – Надеюсь, вы получите ответ на все ваши вопросы.

Вытащить руку гауптштурмфюрер не успел – коротким сильным ударом майор сбил его с ног. Штольце выронил нож прямо в жидкую, поросшую густой травой болотину. Лезвие легко вошло в бездонную грязь, даже не потревожив зыбкую поверхность, густая трава сомкнулась еще плотнее.

Шрадер прыгнул в сторону и, прячась за деревья, побежал назад. Перебегая небольшой лужок, в какой-то момент он открылся, Рыжков уверенно вскинул автомат. Правый уголок его рта хищно съехал в сторону, но от последующего выстрела его удержал окрик Штольце:

– Не стрелять! Могут услышать. – Гауптштурмфюрер не без сожаления проследил хмурым взглядом за худой юркой фигурой, скрывшейся в густом кустарнике, и с затаенной злобой добавил: – Никуда он от нас не денется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.